

Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya

Has been issued since 2014.
ISSN 2409-3378, E-ISSN 2413-7294
2017. 4(1). Issued 2 times a year

EDITORIAL BOARD

- Degtyarev Sergey** – Sumy State University, Sumy, Ukraine (Editor in Chief)
Mamadaliyev Anvar – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation
Elizbarashvili Elizbar – Iakob Gogebashvili Telavi State University, Telavi, Georgia
Fedorov Aleksandr – Rostov State University of Economics, Taganrog, Russian Federation
Mamedov Nizami – Russian Presidential Academy of National Economy And Public Administration, Moscow, Russian Federation
Mtchedlishvili Diana – Iakob Gogebashvili Telavi State University, Telavi, Georgia
Tyunnikov Yury – Sochi State University, Sochi, Russian Federation
Ziatdinov Rushan – Department of Industrial & Management Engineering, Keimyung University, Daegu, South Korea

Journal is indexed by: **CrossRef, OAJI, ERIH PLUS, MIAR**

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str.,
Bratislava, Slovakia, Nove Mesto, 831 04

Release date 25.06.2017.
Format 21 × 29,7/4.

Website: <http://ejournal18.com/en/index.html>
E-mail: evr2010@rambler.ru

Headset Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing
House Researcher s.r.o.

Order № a-11.

Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya

2017

Is. 1

Журнал министерства народного просвещения

Издается с 2014 г.
ISSN 2409-3378, E-ISSN 2413-7294
2017. 4(1). Выходит 2 раза в год

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина
(Главный редактор)

Мамадалиев Анвар – Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация

Мамедов Низами – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация

Мchedlishvili Диана – Телавский государственный университет, Телави, Грузия

Зиатдинов Рушан – Университет Кемён, г. Тэгу, Южная Корея

Тюнников Юрий – Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Федоров Александр – Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрог, Российская Федерация

Элизбарашвили Элизбар – Телавский государственный университет, Телави, Грузия

Журнал индексируется в: **CrossRef, OAJI, ERIH PLUS, MIAR**

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 831 04, Словакия, г. Братислава,
Нове Место, ул. Стара Вайнорска, 1367/4

Дата выпуска 25.06.2017.
Формат 21 × 29,7/4.

Сайт журнала: <http://ejournal18.com/>
E-mail: evr2010@rambler.ru

Гарнитура Georgia.

Учредитель и издатель: Academic Publishing
House Researcher s.r.o.

Заказ № а-11.

CONTENTS

Articles and statements

Chronicle of Scientific Murder. Case of A.V. Chayanov Message 1. The Way to Return is Absent V.I. Glazko	4
Hermeneutic Analysis of the Media Text (Example: Soviet Cinema of Stalinism Times about University Students) G. Mikhaleva	25
Hermeneutic Analysis of Soviet Feature Films about Students (1986-1991) R. Salny	38
Comparative Analysis of the Evolution of the Image of the Teacher in the Soviet and Russian Posters and Professional Photos A.Y. Shahanskaya	47

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya
 Has been issued since 2014.
 ISSN: 2409-3378
 E-ISSN: 2413-7294
 2017, 4(1): 4-24

DOI: 10.13187/zhmnp.2017.1.4
www.ejournal18.com

Articles and statements

Chronicle of Scientific Murder. Case of A.V. Chayanov Message 1. The Way to Return is Absent

V.I. Glazko ^{a, b, *}

^a Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev, Moscow, Russian Federation

^b Centre of Experimental Embryology and Reproductive Biotechnologies RAAS, Moscow, Russian Federation

Abstract

Alexander Vasilievich Chayanov is the outstanding Russian scientist – agricultural economist. He was a graduate student and later the professor of Moscow agricultural Institute. His name, among the world civilized scientific community, has become a legend known throughout the world, particularly to specialists in agriculture. He was the author of numerous works on the theory of collective labor, cooperation, the brilliant teacher and educator of youth, the author of popular science work, archaeologist, art historian – in a word, as we speak today, in this man were combined very much the scientific and cultural components. Tracking the fate of graduates of Moscow agrarian institute it can be concluded that indeed a brilliant scientist can be if they were getting a proper good education. Experts who develop Chayanov's concept, historians of science talk much about his life and tragic death. A.V. Chayanov – the classic agrarian-economic scientist, his theory of the peasant economy and peculiarities of economic behavior of farms at now exist in every textbook on agrarian economy of many universities in the world. And it included even the high important special separate part in the work, which explains the motivation of enterprises in which the owner is also an employee, in General textbooks on Economics. Chayanov's concepts were involved in the contradiction to that what joined many with the collective behavior and attitude of the community, which was inoculated and dominated in the USSR in relation to politics of Stalin and his followers. All this became part of the personal biography of many of us, but not affected, despite the hard circumstances, on the mentality of A.V. Chayanov and many others. Currently, the work of Chayanov is of paramount importance for modern Russia. The role of science in society is now growing rapidly, and in the new Russian society too, but until yet society is not awoken by the fact that the pace of science development is an indicator of mental and physical health of the nation and the state.

Keywords: agrarian civilization, the vertical and horizontal cooperation, environment, farm, proletarian science.

* Corresponding author
 E-mail addresses: vigvalery@gmail.com (V.I. Glazko)

1. Введение

Время безразлично к человеку и стремительно смывает следы его жизни. Конец XIX века. Российская наука переживает расцвет, подготовленный предшествующими десятилетиями. Во второй половине XIX в. работах Ч. Дарвина «Происхождение видов» была популярна в среде русской интеллигенции так же, как и «Капитал» К. Маркса. Все это аукнется России начала и конца XX века. Но пока открытия в различных отраслях знаний, прежде всего, в биологии, химии и физике, убеждают современников во всемогущести науки. Люди, как «манну небесную» ждали от нее решения многих наболевших проблем. «Если меня спросят: какая область знания наложила неизгладимую печать на весь умственный облик XIX века? – Я отвечу смело: естествознание», – говорит К.А. Тимирязев, характеризуя роль естественных наук в жизни общества, формировании научной картины мира и мировоззрения у современников. Эту точку зрения разделял и видный биолог той эпохи М.А. Мензбир: «Мы должны признать как несомненное, что новейшая цивилизация держится на естествознании» (Глазко, 2013). Пришло осознание того, что Наука – ведущая сила социального и экономического развития Человечества, государства, реальный источник их безопасности, благополучия и роста благосостояния. Непременные условия ее развития – высокообразованное население, способное не только усваивать создаваемое наукой новое знание, но и трансформировать его в новые эффективные технологии, товары и услуги. Этим объясняется, почему идеи А.В. Чаянова достигли такой мировой известности в западном и в азиатском научном пространстве, и применяются до сих пор в их сельском хозяйстве.

Следует отметить, что сама по себе работа Александра Васильевича Чаянова в первые годы функционирования Московского сельскохозяйственного института (МСХИ), до того, как он попал под сильнейший "огонь" репрессии, начиная с 1927 года, проходила исключительно в благоприятных условиях. И самым первым из них было образование, учителя, наличие доступа к трудам своих предшественников, которых тоже можно назвать классиками аграрной науки. Область науки – исследования по аграрной и, в том числе, крестьянской экономике, которые были чрезвычайно развиты, и наличие в стране уже сложившейся в царской России колоссальной сети кооперации. Причем, Чаянов сам непосредственно участвовал в создании такой сети и обосновывал свою систему вертикальной кооперации. Многие исследователи, что у нас, что в других странах, ни в научной литературе, ни в широкой общественности не знают и не очень представляют себе колоссальное значение, которое имела в дореволюционный период сельскохозяйственная кооперация в России, и как она вытягивала страну. Немногие говорили и писали о том, что на самом деле по развитию сельскохозяйственной кооперации Россия находилась впереди всех стран мира (это в дореволюционный период).

Финансовой основой кооперативного движения в царской России был Московский народный банк, учрежденный кооператорами России, который работал со 160 тысячами кредитных и ссудосберегательных товариществ и более 5500 артелей и объединений других типов. Это сильно стабилизировало ситуацию в стране. Начался экономический рост, страна вырвалась в мировые лидеры по целому ряду показателей.

Однако меньше чем через год после прихода к власти большевиков декретом СНК были закрыты текущие счета всех организаций в частных и общественных кредитных учреждениях, и переведены в Народный банк РСФСР. Не избежал этой участи и Московский народный банк. Несмотря на то, что его делегацию с участием А.В. Чаянова принял руководитель Совнаркома В.И. Ленин, банк в декабре 1918 года был национализирован (Балязин, 1990). Действительно, в царской России были созданы огромные вертикально интегрированные объединения по каждому виду продукции, был создан очень большой Банк по сельскохозяйственной кооперации с отделением, теперь отделение Центробанка в Лондоне, через который, кстати говоря, шли почти все денежные расчеты во время Первой мировой войны. И по каждому продукту сплошь и рядом эти кооперативные объединения занимали почти монопольное положение.

Например, такое объединение, как "Коопяйцо". Причем, в то время не было таких колоссальных ферм как в Америке, не было ни птицефабрик, ни помещичьих хозяйств, которые производили бы яйцо, а это было объединение крестьян (точнее крестьянок), которые содержали по несколько десятков кур. Тем не менее, этот кооператив "Коопяйцо", при тогдашней технической целостности, собирал огромное количество яиц, и по

размеру экспорта на Запад экспорт яиц превосходил экспорт всей промышленной продукции в стране. Почти то же самое в отношении "Коопмасло", Льноцентра, Союза сибирских маслодельных артелей и многих других, имевших в своем обороте десятки миллионов тогдашних рублей.

Поэтому особенное внимание в своих исследованиях А.В. Чайнов уделял кооперации, которую он считал главным рычагом развития сельского хозяйства при объединении разрозненных мелких крестьянских хозяйств в организационную форму (вариант в последующем коллективизации – без миллионных жертв), которая позволит противостоять негативным внешним воздействиям. Он писал: *«кооператив представляет собой организованную на коллективных началах часть экономической деятельности той или иной группы лиц и призван обслуживать интересы этой группы и только этой группы»* (Чаянов, 1993).

Такие вертикальные интегрированные системы, по существу, были строем цивилизованных кооператоров, о которых у нас в стране затем старались замалчивать, приписывая это выражение будущему колхозному строю. Такие системы составили конкуренцию (благодаря новой экономической политике – НЭПу) коллективизации, поэтому основателей, в конечном итоге и расстреляли, а их книги запретили...

В первое десятилетие XX века возникла и быстро возобладала тенденция к созданию охватывающей всю страну системы сельскохозяйственного опытного дела, организованной по «естественноисторическому» принципу. В позднейшей, несколько модернизированной формулировке А.В. Чайнова, естественноисторический принцип означал требование «районы опытного дела строить по природным, а программы работ на основе природных особенностей по экономическим признакам» (Елина, 1999; Чайнов, 1928).

Россия, не взирая на характер текущего правления в данный момент, во многом была страной – генератором блистательных идей. Это она прекрасно доказала в XIX и XX веках, в том числе, вкладом в развитие экономических, агрохимических, математических, физических наук, а также наук о космосе.

Образованные круги общества и правительство царской России осознавали значимость науки и научных достижений для обеспечения государственной защищенности и независимости. Агрономическое образование в то время было одним из самых престижных и популярных в России. Среди сельскохозяйственных учебных заведений почетное место занимал Московский сельскохозяйственный институт – МСХИ (ныне Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева). Он дал стране и миру плеяду блестящих имен – Н.И. Вавилов, А.Г. Дояренко, А.В. Чайнов, Н.Д. Кондратьев и многие другие. Особенности МСХИ в том, что он не боялся умных студентов выпускать на конференции, наряду с умными профессорами. В 1909 г. Н.И. Вавилов, студент III курса, выступил с докладом «Дарвинизм и экспериментальная морфология» на торжественном заседании МСХИ, посвященном 100-летию со дня рождения Чарльза Дарвина, так же как и А.В. Чайнов. Их учителя по широте знаний, умению выявить важный вопрос, тщательно провести исследования, осмыслить результаты и быть принципиальным в доказательствах верности и значимости своих выводов были образцами деятелей науки – таков был научной и жизненный стиль профессоров. Такие же требования они предъявлял к своим коллегам и ученикам (Глазко, 2014).

После окончания в 1906 году Московского реального училища, Александр Васильевич поступил в МСХИ, собственно в тот институт, который закончила его мать, Елена Константиновна. Поэтому свою жизнь и судьбу соединил с Петровской сельскохозяйственной академией, с неповторимой атмосфере дворцового ансамбля усадьбы, с одной стороны, а также великолепных учителей и окружения единомышленников, с другой стороны. В этой среде Александру Васильевичу хорошо дышалось и жилось, здесь были великие учителя и, как уже отмечалось, какие учителя, такие и ученики. Это уже был известный во всем мире вуз, который по ряду научных направлений был наиболее передовым и прогрессивным в мире. Весь научный мир знал и К.А. Тимирязева, и Г.Г. Густавсона, и И.А. Стебута, и Турского, и Шредера, и А.Ф. Фортунатова.

Дмитрий Николаевич Прянишников был одним из столпов Петровки. Наряду с большой педагогической, научной и организационной работой в сельскохозяйственном институте и Московском университете, в течение 10 лет (с 1907 по 1917 г.) читал лекции по

агрономической химии и физиологии растений на Голицынских высших женских курсах. На этих курсах Дмитрий Николаевич работал деканом, заместителем директора, и трижды избирался директором этих курсов. Много времени и сил он отдавал административной работе и организации учебного процесса и в Петровке. В 1908–1913 гг. он исполнял обязанности заместителя директора по учебной части Московского сельскохозяйственного института, в 1908–1909 гг., 1916–1917 гг. был директором (ректором) института. При его непосредственном участии в институте были упразднены сословные ограничения, расширен контингент студентов, отменен режим закрытого учебного заведения, снижена плата за обучение и др. По инициативе Д.Н. Прянишникова существенно изменены учебные планы: введена специализация, сокращены некоторые второстепенные предметы, впервые предложено выполнение дипломных работ, стимулирующих научно-исследовательскую работу студентов на кафедрах. Для студентов, которые готовили дипломные работы, были отменены некоторые выпускные экзамены (Писаржевский, 1963).

Вряд ли случайно, что в одном выпуске Петровки в 1911 г. из одной и той же среды вышло два таких гения как Николай Иванович Вавилов и Александр Васильевич Чаянов. Один – Н.И. Вавилов – вошел в мировую науку как открывший центры доместикации культурных растений, центры зарождения аграрной цивилизации. И не менее гениален был Александр Васильевич, описавший механизмы развития аграрной цивилизации, показавший, как зарождаются одни ее формы и переходят в новые в результате взаимодействия земледельца с конкретными социальными и экологическими условиями. Большое впечатление на А.В. Чаянова произвел А.Г. Дояренко, с его прекрасным девизом работы: «В поле с лабораторией, а не с почвой в лабораторию». Позиция Чаянова как студента была очень активной, все свое свободное время он, безусловно, уделял большое внимание чтению научной литературы. Его научное мировоззрение формировалось под влиянием таких ученых, как Чупров, Туган-Бороновский, Скворцов, Ермолаев, Кауфман, Тюнин, Лауэр, Менгер и многих других зарубежных ученых (Глазко, 2013; Глазко, 2014).

Для студентов Петровки мало было вобрать в себя знания своих университетских учителей, но не менее необходимо было и охватить библиотеку Петровки, научиться работать в лаборатории и в поле. Они осваивали весь предшествующий российский и мировой опыт естествоиспытателей. Они, как и их учителя, считали, что полу-знание в науке страшней неведения. Вавилов, Чаянов и многие студенты ценили своих учителей и пропускали сквозь себя все, что могли они дать. Но также точно знали, что каждое новое слово в науке можно сказать только по-своему, и найти его на своем пути. Многие из студентов отличались яркой самобытностью, чем и привлекали внимание своих учителей.

Во время учебы Александр Васильевич Чаянов, конечно, очень фундаментально прорабатывал все научные направления, и всё то, что было создано до него другими научными школами. Через два года после окончания им в 1913 году МСХИ, Ученый совет Института присвоил Чаянову звание доцента. Ему тогда было всего 25 лет. Первые работы молодого Александра Васильевича Чаянова были отражением периода развития у него государственного научного мышления – теоретического, необходимого для понимания реальности и действительности в России. И в этом смысле центральным для понимания работ Чаянова, его влияния в России и мире, является то, что, будучи мощным аграрным экономистом, экономистом с очень ярко выраженным теоретическим мышлением, он в то же время был экспериментатором, и кроме того, обладал «системным» мышлением (Научное наследие А.В. Чаянова..., 2008).

И где-то в возрасте 30 лет он стал центральной фигурой для развития аграрной экономики России и мира. И в научной школе, которую он создал и представлял, он являлся несомненным теоретическим ведущим. В нем было все – богатство мысли, способность работать в разных областях науки и легкий переход с определенного теоретического мышления на другое – практическое. В Москве он прочитал цикл лекций по проблемам кооперации, которые в 1915 году издал в виде брошюры "Краткий курс кооперации". И из этой блестящей, научно популярной работы вытекало и создание нового направления – организационно-производственной школы. Благодаря ей сформировалась группа единомышленников, впоследствии выросшая в мощное научное направление. Это, прежде всего, были ученые старшего поколения – Александр Николаевич Челинцев, Александр Александрович Рыбников, Александр Никифорович Минин и более молодые – Николай

Павлович Макаров и Александр Васильевич Чаянов. Так получилось, что Чаянов возглавил это научное направление и возглавил эту организационно-производственную школу. И, надо сказать, что эта школа стала играть заметное влияние в 1923-1927 годах в стране (Глазко, 2013; Научное наследие А.В. Чаянова..., 2008).

Уникальной особенностью ученых МСХА – центрального аграрного вуза России, всегда был комплексный подход к проблемам сельского хозяйства, к анализу аграрной цивилизации, ее развития с естественно-научных позиций. По-видимому, они первыми заложили основы представлений о сельском хозяйстве как о социобиологическом явлении. Так, А.В. Чаянов, известный в мире благодаря своим работам об устойчивости крестьянского хозяйства, кооперации и ряду других разработок в области аграрной экономики, ввел понятие о крестьянском хозяйстве как об элементарной единице аграрной цивилизации и показал механизмы его эволюции, важность политического контроля и коррекции его изменений (Глазко и др., 2008; Баутин и др., 2008).

А.В. Чаянов, будучи супер интеллектуалом, не чурался участия в деятельности различного рода правительственных учреждений, а также крестьянских и кооперативных организаций, как до Октябрьской революции, так и после нее. В 1915 году он стал председателем Лыноцентра – самой крупной кооперативной организации России, в период Временного правительства был членом Лиги аграрных реформ, при Советской власти – работал в Центросоюзе, являлся членом коллегии Наркомзема, комиссий Госплана. Это ли не пример для современных аграрников–экономистов – не замыкаться в тихих институтских кабинетах, а помогать государственным органам и крестьянским организациям вырабатывать эффективные управленческие решения. Тем более что сейчас для этого создаются хорошие институциональные предпосылки (Глазко и др., 2008).

А.В. Чаянов в своих письмах к С.Н. Прокоповичу, с которым он был длительно связан еще в дореволюционный период по кооперативной, общественной и государственной работе, писал о том, что именно в 10-ые годы происходило зарождение школы, а концептуально школа установилась только в 20-ые годы.

Об этом же А.В. Чаянов писал и в 1927 году в Записке «О современном положении сельского хозяйства СССР», составленной для Молотова. Он писал о том, что для того, чтобы сократить издержки производства сельскохозяйственной продукции по ряду отраслей хозяйства, не обязательно производить ее в крупном хозяйстве. Достаточно того, чтобы некоторое количество фермерских (крестьянских) хозяйств объединилось для своего обслуживания в какой-нибудь из видов отраслевого обслуживающего кооператива, что сделало бы величину данной отрасли оптимальной (например, сбытовой или кредитный) (Чаянов, 1969).

Этот вид кооперации является вертикальным, в отличие от горизонтальной кооперации, где происходит полное объединение нескольких хозяйств по всем их отраслям. Заслуга А.В. Чаянова в том, что он теоретически обосновал наиболее рациональную организацию аграрного производства в виде вертикальной, а не горизонтальной, концентрации на основе мелких крестьянских хозяйств. Такая концентрация аграрного производства преимущественно в кооперативных формах не уничтожает крестьянские хозяйства, а, наоборот, помогает им сохраняться. И они, имея много преимуществ перед крупным производством, таким образом, успешно конкурируют с ним (Чаянов, 1928).

Чаянов аргументировано доказал преимущества кооперации вертикальной концентрации крестьянских хозяйств по сравнению с кооперацией горизонтальной. Производственная кооперация, а именно она в первую очередь является кооперацией горизонтальной концентрации, является не выгодной с объективной экономической точки зрения, т.к. особенно в сельском хозяйстве себестоимость производимой продукции начинает очень быстро возрастать с увеличением объемов производства (Чаянов, 1989). Следовательно, необходимо находить оптимальный размер структурной единицы производства. Чаянов писал: «Сама природа сельскохозяйственного предприятия ставит пределы его укрупнению, благодаря чему количественное выражение преимуществ крупного хозяйства над мелким в земледелии никогда не может быть особенно большим» в отличие от обрабатывающей промышленности (Чаянов, 1989). Поскольку предел укрупнения быстро наступает, считал А.В. Чаянов, сельскохозяйственное производство не

может бесконечно развиваться по принципам горизонтальной концентрации, как развивается промышленность.

Если с точки зрения Карла Маркса, Фридриха Энгельса (1894) и Карла Каутского (1899), которые согласно собственным представлениям видели решение так называемого крестьянского или аграрного вопроса в социалистическом обществе однозначно через крупные предприятия, то у Чаянова доминировала идея «здоровой» смеси предприятий по размерам, т.е. малые-, средние- и крупные предприятия имели законное право на существование. Причем каждой отрасли крестьянского хозяйства соответствует свой оптимальный размер предприятия или кооператива. Данное теоретическое обоснование сельскохозяйственной кооперации было разработано А.В. Чаяновым и получило название теории дифференциальных оптимумов. В соответствии с этой теорией развивается сельскохозяйственное производство большинства стран мира (Баутин и др., 2008).

Именно теоретическое обоснование такой вертикальной интеграции позволяло Александру Васильевичу создать свое учение о вертикально интегрированных кооперативах, которые нашли применение по всему земному шару.

Одним из ключевых направлений его научной и практической деятельности было то, что в то время называлось общественной агрономией. А.В. Чаянов полагал, что главная задача агронома — информационное обслуживание всех, участвующих в сельскохозяйственном производстве, в т.ч. принимающих решения о реформах в сельском хозяйстве. Он видел решающую роль консультаций крестьянских хозяйств в развитии всего сельского хозяйства России. По сути, А.В. Чаяновым закладывалась основа методов внедрения результатов научных исследований в практику сельского хозяйства. Неспешность и не успешность аграрных реформ России XIX-XX вв., прежде всего, обусловлена отсутствием специального института таких служб и соответственно относительной негибкостью отечественного аграрного образования.

Защищая крестьянина от эксплуатации, А.В. Чаянов, при обсуждении проблем организации крестьянского хозяйства, пишет о том, что мощные капиталистические организации получают свои прибыли за счет недоплаты за продукты крестьянского труда и переплаты за покупаемые крестьянами товары. Это то, что мы сейчас называем диспаритетом цен.

История кооперативного движения в России на начало 1915 года была достаточно успешной, так, например, на территории Украины действовало более 15 тыс. сельскохозяйственных кооперативов разных форм деятельности, или 40 % общей численности в Российской империи (Прокопенко, 1992).

Существенное народнохозяйственное значение имеет созданная А.В. Чаяновым методика определения оптимальных размеров сельскохозяйственных предприятий. Разумеется, сельхозпредприятия могут быть самого разного размера. Однако оптимальное сочетание размера хозяйств и соотношения в них факторов производства дает наивысший доход. А всякое отклонение от оптимального размера приносит хозяину понижение нормы прибыли. Причем данная закономерность проявляется в сельскохозяйственном производстве во много раз сильнее, чем в обрабатывающей промышленности (Чаянов, 1993).

Оптимально сочетать размеры аграрных хозяйств и соотношение в них большинства факторов производства позволяет широкое применение различных видов сельскохозяйственных кооперативов. Теория сельскохозяйственной кооперации является важнейшей составной частью теории крестьянского хозяйства. Изолированно трудовое крестьянское хозяйство практически не может полноценно развиваться, не будучи кооперированным. Кооперация облегчает и улучшает производство в таком хозяйстве, привнося в него технические новшества и новые достижения агрономической науки, облегчая сам труд, налаживая организованный сбыт продукции, т.е. интенсифицируя хозяйство, повышает его товарность и общую культуру.

А.В. Чаянов построил законченную, логически стройную, универсальную теорию сельскохозяйственной кооперации, вбирающую в себя еще несколько теорий. Ему удалось установить ряд теоретических закономерностей, которые позволяют тесно вплести эту кооперативную теорию в комплекс учения об организации крестьянского хозяйства. В 1917 году в России, после февраля, была создана и активно функционировала Лига аграрных реформ. Это был общественный институт при Главном земельном комитете,

созданном Временным правительством при министерстве земледелия для разработки и подготовки земельной реформы. А.В. Чаянов, будучи избранным председателем Центрального распорядительного комитета Лиги, активно принимал участие в разработке земельной реформы. Он имел твердое мнение в отношении путей ее проведения. Он также являлся заместителем министра земледелия во Временном правительстве в октябре 1917 г. Мнение А.В. Чаянова по всем основным вопросам аграрной реформы обладало определяющим влиянием на решения Лиги, которые он озвучил, подводя итоги работы ее II съезда (Баутин, Глазко, 2008).

А.В. Чаянов был убежденным сторонником обобществления земли с передачей земли трудовому крестьянству не стихийно, а на основе государственного плана земельного устройства.

Государство, считал А.В. Чаянов, выражая мнение Лиги, должно разработать и провести в жизнь план широкой аграрной политики, облегчающей развитие трудового хозяйства.

Земля, по мнению А.В. Чаянова, должна быть изъята из торгового оборота: все движение земли из одних рук в другие должны происходить через местные земельные комитеты.

Земли должны обкладываться прогрессивным дифференцированным налогом в зависимости от размера хозяйства. Крупные частновладельческие земли – принудительно отчуждаться, но на возмездной основе.

Леса и специальные виды хозяйств (племенные, селекционные, технические и пр.) находятся в кооперативном или земском пользовании или во временном условном пользовании частных лиц.

Государство обязано осуществлять масштабные мелиорационные и землеустроительные мероприятия. Оно также должно организовать переселенческий фонд и переселение крестьян из малоземельных районов в районы многоземельные.

Излишки земли в мелком объеме не надо отбирать силой, а необходимо принудить отказаться от них экономически – ввести налог, равный ренте. И тогда нетрудовые излишки станут невыгодны.

Наемный труд предлагалось ликвидировать не законодательно, а путем введения дифференцированного рентного налога.

Вид собственности на землю в различных регионах России может допускаться любой: частная, социализированная (общинная), государственная (национализированная), личная, артельная. Поскольку, если изъять землю из товарооборота и ввести налог, равный ренте, то будет уже неважно – какой вид собственности на землю установится.

Вообще все задачи, связанные с проведением аграрной реформы, предлагалось решать только экономически и постепенно.

"Только сам хозяин, долгие годы практикой изучавший свое хозяйство, может успешно вести его" – так звучит следующий фундаментальный вывод А.В. Чаянова. Отсюда все его требования о свободе экономической деятельности крестьян; передаче в собственность трудовых хозяйств сельскохозяйственных земель; применении государством лишь косвенных методов государственного регулирования отрасли; эволюционном, а не революционном совершенствовании аграрных порядков. "При аграрной реформе, – указывал А.В. Чаянов, надлежит вскрыть недостатки существующего аграрного и производственного строя и разработать такие его формы, которые не противоречили бы стихийному развитию народнохозяйственной жизни, и в то же время были лишены существующих недостатков, важно при этом не допустить ни одной незасеянной десятины, ни одного разгромленного, уничтоженного стада".

Такое совершенствование аграрных отношений по А.В. Чаянову возможно только при комплексном подходе к преобразованиям, как отдельного хозяйства, так и аграрной отрасли в целом.

Многие чаяновские идеи в отношении аграрной реформы можно было бы с успехом использовать в современной России, как их использовали и используют в различных странах.

Революционные события февраля-октября 1917 г. привели к коренным изменениям социальной обстановки в стране. Эта Власть рухнула – происходящее в России многими адекватно воспринималось как мировая катастрофа.

Декрет о земле привел к уничтожению крупной частной собственности на землю. По расчетам А.В. Чаянова, приведенным в Энциклопедическом словаре «Гранат», если в начале XX века (1905 г.) земельные угодья крестьянских хозяйств составляли 76,3 % от их общей площади в 32 губерниях Великороссии и 55,4 % в Украине, то спустя два года после падения монархии и установления Советской власти (1919 г.) – уже 96,8 и 96,02 % соответственно. Заодно практически прекратила свое существование и достаточно развитая система сельскохозяйственной кооперации, сложившаяся в предреволюционный период (Чаянов, 1927).

Естественно, это имело крайне ощутимые последствия для семеноводства бывшей Российской империи, так как оно имело преимущественно частновладельческий характер. За время гражданской войны семеноводство было сведено почти полностью, как в отношении оборудования, так и в отношении потерь квалифицированного персонала, и даже в людских потерях. Многие семеноводческие и селекционные предприятия и станции были полностью уничтожены, или эвакуированы в Польшу, или покинуты персоналом (эмигрировали) (Чаянов, 1927). Последствия от этого для страны были катастрофические (Чаянов, 1928; Сортные посева..., 1938).

Единственное утешение для многих заключалось в том, что любая революция, как пишут историки – локомотив истории, ее душа, для большинства в ней участвующих увеличивает скорость преобразований... Большевики с их переворотом – «шаг в незнание». Команда с Лениным во главе никогда не работала регулярно, жила на чужие деньги – отсюда и сформировалось понятие – профессиональные революционеры. Они мало что понимали в политике, никогда не участвовали в результативной работе, и в обустройстве государства... Власть им упала в руки случайно... Они не могли таким подарком не воспользоваться...

Все окончилось, и обернулось крахом, гражданской войной, резким обострением межнациональных отношений, ослаблением роли России на международной арене и распадом огромной империи. Главный «могильщик страны» Сталин во всем хотел походить на Ленина. Отсюда «Сталин это Ленин сегодня». Но это для пропаганды. Он хотел отличаться от своего предшественника. Вместо оправдавшей себя на 200 % НЭП, Сталин придумает коллективизацию и индустриализацию, что мало никому не покажется... Однако в одном он точно стал продолжателем линии Ленина: внешнеполитический курс России, руководимой Сталиным, отмечен не только повторением худших ошибок Ленина, но и еще более тяжкими провалами, а тяжелейший – начало ВОВ.

Стремительность исторического процесса притягивает и вовлекает окружающих. Оглядеться, уточнить свой путь, смысл деяний при такой скорости можно только со временем, и обычно – уже после свершения событий, и без сочувствия к «участующим».

Стремительное движение «локомотива истории» в многоукладной России до 17-го года вызвало невиданное смешение осознанных и неосознанных стихийно-природных исканий. Революция и ее проповедники привели в движение огромное наследие преданий, легенд, стихийного правдоискательства, так характерного для менталитета народов, живущих в России. Это очень существенное обстоятельство, важное для понимания и осознания времени, жизни и творчества многих людей (Глазко, Чешко, 2009).

Как известно, в 1917 году страна была разорена Первой мировой войной, но, как оказалось, значительно меньше, чем другие государства – участники этой бойни. Однако именно в нашей стране состоялась беспощадная гражданская война и переход государства из одного состояния в принципиально другое. Вместо одного народа, в стране оказался другой. Народ, который с размахом праздновал 300-летие династии Романовых, и тот же самый вроде бы народ, который через пять лет эту семью расстрелял и обеспечил большевикам победу. Для того чтобы понять, зачем и куда пойдет Россия дальше, зачем-то понадобился Сталин. Он, как оказалось, к сожалению, интуитивист и не прагматик в политике. Он учился непосредственно во время острых социальных проблем, которые возникали все его время правления, но не получил серьезного образования ни в области международных отношений, ни в области экономики. Он не знал, как функционируют

государства и международная политика. Команда его, по сравнению с ленинской, была откровенно слаба. Поэтому речь идет не об ошибке или случайном решении. Как, например, с коллективизацией. Это был результат полного непонимания логики развития государства и внутригосударственных отношений в целом. Тем более что характер коммунизма, который победил в Гражданской войне, однозначен и различим именно по своей однозначности и беспощадности. С одной стороны, он весь погружен в верования о прекрасном лишенном зла мире. С другой – он весь во внутреннем убеждении Власти, что Советской республике во враждебном капиталистическом окружении не выжить. Отсюда берут начало все последующие действия Власти – военный коммунизм, продразверстка, все по карточкам, расстрелы мешочников и противников советской власти, вымирание городов – бегство населения, остановки фабричных производств и заводов. Единственное востребованное промышленное производство – зажигалок.

На октябрьский переворот, это через десять лет в стране его назовут революцией, с самого начала было два хорошо различимых взгляда. Одни смотрели с сочувствием, а другие – с ненавистью. В одном взгляде преобладало принятие доминанты силы, яркости, времени начала одного строя и конца другого. Вторые понимали – все разом рухнуло, и это не восстановимо. Мир вернулся к первобытному состоянию – дикости, варварству и удали.

Но были и третьи – соль России – интеллигенция. Большинство из них – профессоров, инженеров, выросли в старой культуре, любили ее и ценили. Теперь, когда она была разрушена, они честно пытались понять, что придет ей на смену и, кроме того – принять, и попытаться построить будущее страны, своей Родины. Например, известны высказывания Д.Н. Прянишникова: «Если достаточно густая сеть высших школ покроет Россию, если система средней школы будет давать широкий доступ всем наиболее одаренным детям народа в школу высшую, то какое количество дремлющих сил, пропадающих напрасно дарований обнаружится в нашем отечестве?».

Всем им было очень тяжело – все принять и, тем более, строить новое в стране, где каждый день – борьба с населением. Это страна людей, которые традиционно, в силу своей истории, не боятся умирать, и совсем не ценят жизнь. И надо будет уговаривать – жить, а не умирать, хотя бы попробовать жить. Жизнь этих людей – страдание и мука. Смерть – отдых и избавление. Они привычно голодны. Еду в стране заменяет человеческое тепло, лозунги и вера в будущее. Все-таки тепло они ценят. Те «пророки», которые агитируют, убеждают эту изготавившуюся к смерти страну жить, полны веры, и за ними, в конце концов, пойдут, возможно, от бессилия и бессмыслицы сопротивления. Мы же, родившиеся позже, в свою очередь знаем, что страна будет «пророками» обманута.

В значительно меньшей степени вспоминают про «соль земли», «вольнопрактикующих и вольнодумающих», оставшихся царских профессоров. Это было очень небольшим сообществом, и оно не все вымерло, несмотря на революции и гражданскую войну. Большая часть из них в дальнейшем попала в лагеря, и здесь выживших было уже немного. Оказалось, что их выживание было нужно для того, чтобы было на ком производить эксперименты, упрекать за ошибки государства, и вытаскивать страну после гражданской войны и во время Великой отечественной войны... Когда эти царские профессора ушли, исчезло и распалось государство, которое они самозабвенно строили, за него погибали, сидели, шли на подвиги, несмотря на его обманы...

Опустение городов приводило к возвращению оголодавших городских жителей для выживания обратно на землю, в деревню. Существенно расширилось занятие земледелием и огородничеством. Отсюда вытекает и «перманентная революция» Троцкого. Идея ее вытекала из понятий, что невозможно представить себе мирное сосуществование царств: одно – добра и счастья, другое – зла и греха. Многие тогда все понимали – что нужно уходить от противостояния времен гражданской войны (Глазко, 2014).

Наряду с этим, в стране разворачивалось восторженное обсуждение коренных вопросов бытия: создание нового человека, каким должен он быть, каким его воспитать, нового, непонятного мира. Заодно – избавить человечество от смерти и воскресить (по Федорову) тех, кто не дожил до победы коммунизма. При этом все шло на фоне смешения различных нравственно-философских стихий – правдоискательства, мечтательства всех видов, всякого рода «суеверий», прожектов будущего «рая». И понятно, что все – без точных исторических знаний, научного предвидения. Но это не останавливало кремлевских вождей.

В.И. Ленин в 1922 году в статье «Успехи и трудности Советской власти» говорил о том, что «мы хотим строить социализм немедленно из того материала, который нам оставил капитализм со вчера на сегодня... а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены...» (Ленин).

И, наконец, последним фактором, определившим состояние сельскохозяйственного опытного дела в стране в первые послереволюционные годы, были отношения с новой властью и неустоявшаяся система отношений между различными элементами государственного аппарата. О последствиях возникавших на этой почве конфликтов публикации советского периода упоминают крайне глухо, но их значение достаточно очевидно.

Более того, существование системы организации агрономии, селекции, семеноводства утратило многовекторную опору на дифференцированные общественные структуры (общественные организации, частный капитал, земства и проч.) и определялось теперь исключительно поддержкой, равнодушием или репрессиями государственной власти. При этом формирующийся тоталитарный режим («государство диктатуры пролетариата») и монополизация им материальных ресурсов («военный коммунизм») сводил содержание последних двух типов отношения государства (равнодушие или репрессии) к практически тождественным. Нахождение «общего языка», или, говоря языком теории информации, расширение зоны перекрывания семантических кодов концептуальных полей административно-политических структур советской власти и школ и группировок научного сообщества становилось проблемой их выживания (Колчинский, 1997; Кременцов, 1997). Поэтому утверждения советской историографии о «добровольном» признании научным сообществом новых социально-политических реалий в некотором смысле оправданны. Господствующим настроением среди научной интеллигенции, по крайней мере, ее части, оставшейся в стране после революционных событий и Гражданской войны, была необходимость централизации государственного контроля и управления научно-технологическим развитием. Их собственный опыт конфликтов с местными властными структурами подводил их к этому. «Необходимо идти по пути централизации. Положение сейчас таково, что еще долгое время творческая инициатива будет исходить от государственной власти. Только государство сможет создать подобающую обстановку для научной деятельности, и правильно поставит охрану опытных учреждений» – утверждал А.И. Стебут уже в 1918 г. (Елина, 1997).

Проблемы перевода с языка теории науки на язык практического совета Александра Васильевича Чаянова занимали очень серьезно. В 1918 году Чаянов опубликовал одну из своих важнейших фундаментальных работ "Основные идеи и методы работы общественной агрономии", подытожив всё, что было создано до него и, безусловно, развив свои идеи. В 1924 году он переиздал эту работу. Это было дополненное третье издание, которое и сегодня является настольной книгой для всего мира (Чаянов, 1989).

Традиционно русский вопрос после разрухи «... что делать?» имел и тогда, и сейчас относительно мало ответов – «сохранить, реорганизовать и ликвидировать». Возник феномен идеологически и политически «корректной науки». У советской власти была двойственность в отношении науки. Власть понимала, что наука необходима для экономического и военного могущества страны, а с другой стороны, чинуш раздражали ее независимость, демократические традиции, корпоративный дух и многое другое.

Однако все перекрывавший аргумент был следующим – без Академии наук нельзя обеспечить обороноспособность страны, т.е. личную безопасность чинуш и государственной власти.

Академия, а точнее, ее мировые лидеры (Чаянов, Вавилов), благодаря своему авторитету, помогли новому государству выйти из международной изоляции после революции и убийства царской семьи, восстановить разоренную страну. Это позволило Академии наук занять видное место среди государственных учреждений. В конечном счете, удалось выработать общий язык между учеными и политиками. Но возникла проблема: любой научный «проект» имел шанс на государственную поддержку только если обосновывался с позиций революционной целесообразности и практической значимости.

Другая проблема – входя во власть, ученые превращались в чиновников, чувствуя себя ответственными только перед начальством, а не перед научным сообществом.

Кронштадский мятеж привел большевистских вождей в чувство – к НЭПу. Он вытащил страну из небытия гражданской войны. Но, несмотря на достижения НЭПа, новые партийцы, со Сталиным пришедшие к власти, с НЭПом распрощались (Глазко, 2014).

В результате «аграрного переворота», последовавшего за подписанным В.И. Лениным «Декретом о земле», из общей массы хозяйств выпали высокотоварные предприятия, «что отразилось на товарной массе сельскохозяйственных продуктов и на возможности экспорта», – писал Д.В. Чаянов – ликвидация помещичьего хозяйства была настолько полной, что, к сожалению, в руках государства удалось сохранить весьма небольшие нераспыленные сельскохозяйственные площади, благодаря чему приходится признать, что наших совхозных площадей, сильно растрепанных в период некоторого ликвидаторства 1921-1923 гг., вряд ли хватит даже для вспомогательных сельскохозяйственных предприятий (опытные поля, племхозы, семхозы и проч.), которые потребуются для обслуживания крестьянского хозяйства, коль скоро начнется его массовый подъем» (Чаянов, 1989). Необходимо сделать одну оговорку. Наряду с помещичьим землевладением были практически ликвидированы также фермерский и, главное, кооперативный сектора аграрной экономики России.

Валовой доход сельского хозяйства, давшего в 1913 г. около половины национального дохода страны, сократился к окончанию Гражданской войны почти вдвое – с 8,9 до 4,74 млрд руб. Наиболее выраженным спад был в районах с большим удельным весом крупно-товарных хозяйств, в том числе, на Украине. Аналогичным образом, сокращение посевных площадей, падение урожайности и валового сбора оказались значительнее в тоношении культур интенсивного типа. Все факты свидетельствовали о глубоких и крупномасштабных регрессионных процессах в аграрной экономике страны, возврате сельского хозяйства к экстенсивному пути эволюции, а в ряде случаев – даже к натуральному типу хозяйства. В стране голод в результате господства большевиков – без знаний управления государством. Единственный выход – организовать Всероссийский комитет помощи голодающим (Помгол) и просить помощь у Европы и Штатов.

Ленин обратился ко всем членам Политбюро ЦК РКП(б), в котором предложил распустить этот Комитет, арестовать, выслать его членов из Москвы, «разместив их по одному в уездных городах по возможности без железных дорог, под надзор». На следующий день Политбюро приняло решение об аресте членов Помгола. По обвинению в «контрреволюционной» деятельности, связях с «антоновщиной» и «преступных» сношениях с границей, репрессиям подверглись многие члены Помгола.

27 августа 1921 г. по делу Всероссийского комитета помощи голодающим (Помгол) было арестовано 14 человек, в т.ч. и А.Г. Дояренко.

29 августа репрессиям подверглись еще около 60 человек, среди которых был и А.В. Чаянов.

Несмотря на принадлежность к Помголу, вопрос о высылке А.В. Чаянова, А.Г. Дояренко, Н.Д. Кондратьева, Л.Н. Литошенко и ряда других ученых не поднимался, голод – есть нечего, специалистов не осталось... Они принимали участие в состоявшемся в марте 1922 г. Всероссийском агрономическом съезде. Но все они в тот момент – уже материал для предстоящих открытых процессов – будущие участники «Дела ЦК Трудовой крестьянской партии». Досье на ученых собирался, за ними следили – они упоминались в ряде чекистских справок, обзоров и циркулярных писем.

Этот переход через точку эволюционной бифуркации будет означать и радикальную трансформацию собственно экономической организации техногенной цивилизации. Последняя в соответствие с выдвинутой концепцией (частично вытекающей из исследований А.В. Чаянова и развивающей их) основывается на гомеостатическом взаимодействии двух субцивилизаций – индустриальной и аграрной, каждая из которых опирается на альтернативные эволюционно-экономические механизмы привлечения и продуцирования ресурсов (Глазко, 2014).

Предпосылкой этой цивилизационной дихотомии является дихотомия технологическая: экономическая специфичность функционирования субъектов хозяйственной деятельности в аграрном и индустриальном секторах экономики, каждый из

которых выполняет необходимые и взаимодополнительные функции в обеспечении жизнеспособности социума. Суть так называемой неолитической революции (перехода к земледелию и скотоводству, т.е. собственно зарождение сельского хозяйства и аграрной цивилизации) можно свести к одной из первых высокотехнологических инноваций: производство дополнительного органического вещества путем фотосинтеза и с использованием солнечной энергии. Отсюда – две фундаментальные характеристики аграрного типа цивилизации, порождаемых зависимостью от солнечной энергии и природой используемых «биореакторов» (растительных организмов): пространственные ограничения, накладываемые на удельную эффективность сельскохозяйственного производства в данном технологическом контексте и цикличность производственного цикла. Обе эти особенности не применимы к индустриальному сегменту техногенной цивилизации. Описанная дихотомия также подвергается радикальной и необратимой эрозии и деконструкции в результате биотехнологической революции.

Следует отметить, что, поскольку крестьянские трудовые хозяйства, которые подробно изучал А.В. Чаянов, и современные личные подсобные хозяйства несут в себе много общего, необходимо при выработке государственной стратегии в их отношении в рамках всего сельскохозяйственного сектора, опираться на чаяновскую теорию крестьянского хозяйства.

Тем более что в современных условиях положение в отечественном аграрном секторе по ряду позиций сходно с тем, каким оно было почти сто лет назад во время создания данной теории. К тому же имеется прецедент вывода России из кризиса в 20-е годы XX века путем введения в стране НЭП, в которой важное место отводилось мелким трудовым крестьянским хозяйствам, повсеместно объединенным в кооперативы.

В связи с этим представляется интересной работа, проведенная по заданию Народного комиссариата земледелия РСФСР группой экономистов в середине 1920 года по изучению доходности крестьянских хозяйств, которую возглавил А.В. Чаянов. В докладной записке наркому земледелия РСФСР С.П. Середе А.В. Чаянов перечислил основные задачи, которые необходимо решить в рамках изучения доходности крестьянского хозяйства: место крестьянского хозяйства в народном хозяйстве переходного периода; общая теория крестьянского хозяйства и ее модификации, вызываемые условиями переходного периода; натуральные балансы крестьянского хозяйства; платежеспособность крестьянского хозяйства в связи с их денежными балансами; восстановление крестьянского капитала; влияние рынка и системы цен на организацию крестьянского хозяйства и уровень его доходности; сравнительные уровни благосостояния различных слоев сельского и городского населения в динамике (Чаянов, 2003). Изучение доходности крестьянского хозяйства было необходимо для исчисления натурального налога, определения дальнейших перспектив развития сельского хозяйства России.

Работа по изучению доходности крестьянского хозяйства вылилась в разработку А.В. Чаяновым и его сподвижниками Генерального плана Народного комиссариата земледелия РСФСР на 1921-1922 гг., который по существу и явился основной стратегической линией НЭП в сельском хозяйстве.

Концентрации сельскохозяйственных предприятий препятствует еще ряд важных причин. В частности, невозможность сконцентрировать природные условия в одном месте, например, солнечный свет: «Человек не может солнечные лучи, падающие на сто десятин, собрать на одну... В самой своей сущности сельское хозяйство неотъемлемо связано с пространством, и чем крупнее технически сельскохозяйственное предприятие, тем большую площадь оно должно занимать. Никакой концентрации в пространстве здесь нельзя провести» (Чаянов, 1989). Существуют также биологические особенности содержания живых организмов (определенные естественные нормы). Если их нарушать, то животные начинают болеть. Нереально ускорить процессы производства, так как они установлены самой природой. Например, нельзя вырастить корову быстрее, чем она должна расти. Невозможно при производстве многих видов продукции заменить ручной труд механизмами.

Это было продемонстрировано в той же Германии во время кризиса, когда кризис, прежде всего, ударил по крупным хозяйствам, фермерским хозяйствам, которые играли большую роль в политической жизни Германии, когда крупнейшие чиновники были помещиками. Для спасения своих хозяйств они создали ведомство по поддержке крупных

хозяйств за счет государственного бюджета. Ничего аналогичного для мелких крестьянских хозяйств создано не было. В результате получили Гитлера – головную боль для всего мира.

Крестьянские мелкие хозяйства в Германии, как и во всех странах, первые годы выживали за счет снижения своего жизненного уровня, за счет полунатурального ведения сельского хозяйства. Они вынуждены были закладывать свои земли, что создало дальше благоприятные условия для гитлеровского движения. Гитлер выступил с лозунгом, что Германия – это, прежде всего, крестьянская страна. Мы спасем крестьян, мы сохраним землю за крестьянами, мы уничтожим все долги. Гитлер и был успешен благодаря своему отношению к мелкому крестьянству, что показало, как крестьянские проблемы могут быть существенны по последствиям для всего мира.

В то время Институт Чаянова был ведущим Центром мировой аграрной науки и, в частности, аграрной экономики. И что примечательно – Институт проводил семинары. Причем, у каждого крупного ученого был свой семинар. Это очень сильно привлекало научную молодежь, подрастающее поколение. Существовал пленум, коллегии Института. На лекции и дискуссии приглашались представители других научных учреждений. Институт поддерживал связи со многими зарубежными экономистами из более чем 30-ти стран мира (далее это тоже поставят в вину Чаянову). И, конечно же, Чаянов был очень авторитетен среди аграрных экономистов мира.

Для страны появилось еще одно новшество. Александр Васильевич сделал так, что все выдающиеся работы зарубежных ученых–экономистов он переводил на русский язык и писал к ним очень мощное предисловие, по сути, делая в них сравнительный анализ развития сельского хозяйства России и зарубежных стран.

Александр Васильевич Чаянов очень бережно и с уважением относился к альма-матер Петровке – Тимирязевской сельскохозяйственной академии... И посвятил целую книгу «Петровско-Разумовское в его прошлом и настоящем». По сути, это был путеводитель по вузу. Ко времени выхода этой книжки академия была самой крупной в мире сельскохозяйственной высшей школой. Она была не только крупнейшим учебным заведением, но и самым большим сельскохозяйственным научно-исследовательским центром. Работы Чаянова распространялись по существу по всему земному шару.

А.В. Чаянов все свое время отдавал науке и преподавательской работе. И мероприятия, в которых он участвовал и проводившиеся в рамках НЭПа, и с помощью влияния научно-производственной школы, незамедлительно дали свои результаты.

С 1923 по 1925 годы посевная площадь и валовой сбор зерна достигли уровня 1913 года. И к концу 1924 года доход от сельского хозяйства в народном хозяйстве нашей страны был гораздо выше дохода, получаемого им от государственных дотаций. Пшеница из России снова вышла на мировой рынок.

А.В. Чаянов был профессором экономического факультета довольно продолжительный период времени. Он руководил двумя кафедрами. Затем кафедру кооперации передал Александру Александровичу Рыбникову, который вернулся в то время из эмиграции.

Александр Васильевич Чаянов всегда различал и говорил, что есть экономика общая и есть аграрная экономика. И это накладывает свою особенность на подготовку из студенчества кадров будущих специалистов. В стране, после ареста Чаянова, к сожалению, этот подход исчез. Хотя, благодаря Александру Васильевичу Чаянову, в частности из его работ печатающихся в Германии, это направление очень широко пошло развиваться в мире. И сейчас все ведущие университеты Соединенных Штатов Америки, европейские университеты имеют свое самостоятельное направление по подготовке специалистов в области аграрной экономики.

А.В. Чаянов известен в Германии среди ученых-аграрников, прежде всего, опубликованием своих пяти книг, как активный сторонник крестьянской кооперации и как директор НИИ сельскохозяйственной экономики. В 1923 году в Германии появилась первая книга «Учение о крестьянском хозяйстве», в 1924 году – «Социальная агрономия. Ее основные идеи и методы работы», и также в 1924 году – «К вопросу теории некапиталистических хозяйственных систем», в 1926 году – «Сельское хозяйство Советского Союза: его географическое, экономическое и социальное значение», и в 1930 году – «Оптимальные размеры предприятий в сельском хозяйстве». Как директор НИИ

сельскохозяйственной экономики и политики, он пригласил работать в институт в качестве членов Совета наиболее известных аграрных экономистов мира (в результате, дальше обвинения – шпион, и расстрельная статья). Нет никакого сомнения в том, что руководимый им институт тогда был наиболее значимым аграрно-экономическим институтом мира.

Чаянов, как и многие, знает и любит страну. Он видит все победы и поражения, в стране идет индустриализация – здесь само время рванулось вперед. Но многие царские профессора чувствовали и видели иное, что страна увеличивает «базу бюрократизма». Известно, что в 1924 году, благодаря НЭПу, в стране осталось лишь 11 наркоматов, а число управлений в ВСНХ сократилось с 56 до 16, но уже в 1939 году было 39 наркоматов... В дальнейшем число московских министерств и ведомств возросло до небывалых – до 100. Бюрократия – «побочный продукт» роста индустриализации, но продукт опасный. Известно выражение в 1922 году В.И. Ленина «Часто: не нам принадлежит этот аппарат, а мы принадлежим ему!».

При этом идет активная чистка страны. В начале 20-х гг. чистят философов, социологов, писателей, дело закончилось их высылкой из России. Так было с "меньшевистствующими идеалистами" в философии в начале 30-х годов – их посадили. Так было с агроэкономистами трех ветвей в конце 20–30-х гг., борьба закончилась физической гибелью (расстрелом) практически большей части видных ученых страны. Победители торжествовали в том смысле, что их взгляды канонизировались, принимались за непререкаемую истину, сомневающимся одергивали и призывали к порядку. Так создавались культ и монополизм в науке. Наука останавливалась в своем развитии, отставала как от требований жизни, так и от мирового уровня. В то же время клеветы победившего лидера трубили во все трубы, что они идут «впереди планеты всей». Еще в 1930-е гг. велась борьба в таком же стиле по вопросам биологии, и прежде всего генетики. Противники классической генетики сосредоточили огонь на Н.И. Вавиллове. Они открыто заявляли, что «Вавилон должен быть разрушен». Своего добились: великого ученого уничтожили физически, в аграрной науке привели к руководству Лысенко, низвели уровень исследований во многом до простого опытничества, усилили травлю инакомыслящих.

В окружении Н.И. Бухарина возникла идея необходимости проведения самостоятельных аграрно-экономических исследований, базирующихся на марксистской основе. Для организации марксистских исследований Бухариным была учреждена социалистическая (потом названная коммунистической) академия. В ней была создана аграрная секция (позднее преобразованная в институт) и общество аграрников-марксистов.

Между институтом А. Чаянова и марксистскими учреждениями завязалась непримиримая борьба, приведшая к аресту А. Чаянова. Сильной стороной института А. Чаянова было глубокое знание реального положения дел в деревне, опора на многолетнюю традицию российских исследователей и серьезное теоретическое обоснование своей теории крестьянского хозяйства.

Аграрники-марксисты исходили в основном из идеологических принципов. Они полагали, что крестьянское хозяйство является частнокапиталистическим, что в деревне идет процесс классовой дифференциации и в ней нарождается деревенская буржуазия, с которой необходимо вести жесткую борьбу. Они выступали за ускоренную коллективизацию как форму концентрации сельскохозяйственного производства и повышения его товарности. Особо активную роль играли руководители этой группировки Н. Крицман и Г. Меерсон. Позднее активную роль также играл М. Кубанин. До какой-то степени они основывались не только на марксистской теории, но и на положениях известного немецкого экономиста и социолога А. Вебера, который считал неизбежным капиталистический путь развития и полагал, что трудовая теория крестьянского хозяйства выпадает из общих экономических концепций развития экономики Запада.

Однако в течение ряда лет, основываясь на своем глубоком знании конкретной действительности российской деревни, А. Чаянов отбивал эти атаки аграрников-марксистов.

Но сердцевину всех его работ составляет теория трудового хозяйства с сельскохозяйственной кооперацией. Эта теория стала достоянием мировой науки. Ею пользовались в развитых странах. На основе тщательных исследований бюджетов крестьянских хозяйств А.В. Чаянов, одновременно с Александром Николаевичем

Челинцевым, пришел к выводу о некапиталистическом характере хозяйственной деятельности крестьянина, стремящегося не к максимизации чистой прибыли, а к увеличению валового дохода, балансу производства и потребления, равномерному распределению трудовых нагрузок и доходов членов семьи в течение года. Чаянов рассматривает крестьянское хозяйство одновременно как институт производства и институт потребления, что и обуславливает специфику его экономического поведения и его мотивации. С этой точки зрения, чаяновскую теорию можно назвать антропологической. Семейное хозяйство – не только производственный институт, но и форма организации жизни, где не все подчинено максимизации прибыли, но и другим, более широким целям.

А. Чаянов отмечал, что российское сельское хозяйство по своему характеру является уникальным явлением, но вместе с тем оно может вписываться как в капиталистическую, так и в социалистическую экономику. Последний аргумент он использовал также и против аграрников-марксистов, доказывая возможность интеграции российского крестьянского хозяйства в социалистическую экономику через систему кооперативов, контрактации, товарно-денежных отношений. При этом он выдвинул тезис о строительстве и социалистической кооперативной экономики.

Однако борьба между школой А. Чаянова и аграрниками-марксистами шла на фоне обостряющейся общеполитической борьбы между различными партийными группировками по вопросам будущего сельского хозяйства, всей экономики в целом и различного понимания характера классовой борьбы.

Как уже отмечалось выше, один из выходов из аграрного кризиса предполагался путем концентрации сельскохозяйственного производства по образцу тяжелой промышленности. Но аграрный сектор экономики, как доказывали еще в 1920 гг. отечественные экономисты, принадлежавшие к школе Кондратьева и Чаянова, имеет свою специфику. Именно непонимание природной сложности сельскохозяйственного производства обуславливает низкую эффективность универсального подхода к созданию крупных сельскохозяйственных предприятий. Сельское хозяйство бывшего СССР все более становилось ахиллесовой пятой военно-экономического потенциала.

В связи с потребностью в изыскании средств финансирования процесса индустриализации, была выдвинута концепция массовой распашки целинных земель и создания там механизированных чисто зерновых совхозов, продукция которых поступала бы целиком в государственные элеваторы. Чаянов видел в этом альтернативу массовой коллективизации и активно стал участвовать в разработке планов создания таких совхозов.

Предполагалось, что даже при низкой товарности крестьянских хозяйств, эти совхозы создадут значительные хлебные ресурсы в руках государства. Страховые запасы составляли 20 % от тогдашнего уровня потребления. Примечательно, что и сейчас FAO (Организация по продовольствию и сельскому хозяйству при ООН) считает необходимым иметь 20 %-ный переходящий запас зерна в государстве. Эта цифра была указана и на июльском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б), где было сказано, что если такие резервы будут иметься, то в деревне не будут проводиться чрезвычайные меры по изъятию хлеба. Предполагалось, что будет отложена и массовая коллективизация крестьянства. Однако для производства такого количества хлеба нужно было создать массу совхозов. Денег и техники на это не было, и чуть позже было принято решение о переходе к изъятию хлеба у крестьян и массовой коллективизации в деревне.

В этом контексте работы института А. Чаянова становились уже идеологическим препятствием политики партии большевиков. После выхода в 1928 г. третьего издания книги А. Чаянова об оптимальных размерах крестьянских хозяйств, она была подвергнута резкой критике молодым аграрником-марксистом М. Сулковским, который объявил, что А. Чаянов открыто выступает против крупных предприятий, то есть по существу против коллективизации, а это уже было прямое политическое обвинение. Чаянову пришлось выступить с большим докладом в защиту крупных хозяйств, но доклад был посвящен не колхозам, а совхозам. Однако это было воспринято как сигнал к тому, что А. Чаянов в новой сложной ситуации стремится лишь частично пересмотреть свои позиции и спасти Институт. Поэтому последовала еще более острая атака со стороны Крицмана, обвинявшего Чаянова в немарксистских взглядах и сопротивлении коллективизации.

Незамедлительно последовали и оргвыводы. В 1929 г. институт Чаянова был закрыт, а его научная школа была фактически запрещена. Было принято решение, согласно которому к изучению аграрных вопросов отныне допускались лишь лица, доказавшие свою приверженность к марксистским взглядам.

В то же время А.В. Чаянов подчеркивал, что семейное хозяйство остается самой распространенной формой организации сельского хозяйства, несмотря на уменьшение его доли на рынке. Исходя из мотивации хозяйственной деятельности, описываемой теорией трудопотребительского баланса, крайне осторожно надо подходить к налогообложению расширяющихся крестьянских хозяйств. Так как хозяйственно расширившееся семейное предприятие, считал А.В. Чаянов, может реально уплатить высшую ставку налога, но психологически получаемый в этих условиях доход не окупает в глазах хозяина необходимого для расширения хозяйства напряжения усилий. И, следовательно, хозяйство может снова свернуться или вовсе не расширяться (Чаянов, 1928; Чаянов, 1989).

А.В. Чаянов в докладной записке (Чаянов, 1989), составленной по запросу комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по подготовке доклада XV партийному съезду, выделил два основных типа эволюции сельского хозяйства, сформировавшихся к началу Первой мировой войны, – американский и восточный. Основными характеристиками первого из них служат дешевая земля, относительно дорогая рабочая сила, экстенсивное малотрудоемкое земледелие с крупными капиталовложениями и широкомасштабной механизацией. Отличительные черты второго – дорогая земля, дешевая рабочая сила, сверх интенсивная трудоемкая система земледелия при практически полном отсутствии механизации.

Аграрная эволюция Соединенных Штатов Америки протекала, в целом, в уникальных условиях – параллельно развитию товарно-рыночной системы. В отличие от этого сельское хозяйство Российской империи представляло собой порайонный конгломерат с преобладанием тенденции развития либо по американскому, либо по восточному типу. Демографическая структура страны формировалась вне зависимости от рыночных зон, поскольку основными факторами определявшими плотность населения были плодородие почв и величина военной опасности в том или ином районе. Начавшееся во второй половине XIX века динамичное развитие рыночной системы привело к возникновению зон с более высокой или более низкой плотностью населения, чем это было экономически оправданным, поскольку существовавший демографический дисбаланс был слишком велик, чтобы быть быстро ликвидированным за счет миграционных процессов. В основном, в северных (промышленных) регионах империи развитие аграрной отрасли более соответствовало по мнению А.В. Чаянова «восточной», а в южных и юго-восточных – «американской» модели.

Производство зерна всегда было одним из главных показателей развития сельского хозяйства России. В советской литературе примерно до середины 50-х годов утверждалось, что в дореволюционной России сельское хозяйство переживало эпоху длительного застоя. В частности, урожайность основных зерновых культур в XIX – первых десятилетиях XX века возрастала менее чем на 0,5 % в год (Проблемы урожая). Однако в основе этого тезиса лежала элементарнейшая статистическая ошибка или сознательная подтасовка – объединение в общую выборку вариантов, относящихся к различным генеральным совокупностям. Действительно, если в 1800-1860 гг. темпы роста урожайности практически не изменились, то после реформы 1861 г. этот же показатель увеличился более чем в 1,6 раза.

Важный аспект экономического поведения семейных хозяйств заключается в том, что семейное крестьянское или фермерское хозяйство при благоприятных условиях (например, при росте цен на сельскохозяйственную продукцию) в силу своих особенностей может не увеличивать производство, а, наоборот, сокращать, т.к. захочет снизить напряжение своего труда, т.е. установить более выгодное для себя равновесие трудопотребительского баланса. Следствием этого будет уменьшение хозяйством производства и увеличение свободного времени хозяйствующей семьи. И очень возможно, что подобным образом будут себя вести не единичные семейные хозяйства, а одновременно основная их часть в стране и даже регионе. В этом случае реакция аграрного сектора на рост цены на сельскохозяйственную продукцию может приводить не к росту, а к сокращению объемов производства.

10 декабря 1928 г. на заседании Орг. бюро ЦК ВКП(б) Е. Ярославский обвинил ученого А.Г. Дояренко в религиозности, уличив его в том, что он поет в церкви. «Сообщают такой факт, что в Тимирязевской сельско-хозяйственной академии профессор Дояренко поет на клиросе, что целый ряд других профессоров, так или иначе принимает участие в духовной деятельности» (Глазко, 2013; Сойфер, 1993). Подобная критика затронула и А.В. Чайнова. Сигналы об антисоветской настроенности профессоров Тимирязевки шли и от некоторых студентов, идейных коммунистов, они высказывали недовольство преподавательской деятельностью многих профессоров.

4. Заключение

Уникальная черта Чайнова – способность к моделированию и выявлению связей между различными феноменами, т.е. работать через создание разных моделей действительности, возможность видеть одну систему как часть другой.

Важна работа Чайнова над параллельными, вычленимыми экономиками, над принципиально возможными формами экономики – именно такой подход дает возможность понимания всего богатства составляющих экономического действия, связанных с общественным развитием. Именно он дает возможность получения ответов, требующих параллельного развития мышления, разных теоретических форм, которые могут помочь ухватить то, что происходит во всем мировом богатстве, а не только на одной дороге.

Начальный период деятельности Чайнова и его команды, и его института при Советской власти был чрезвычайно благоприятен для формирования его различных теорий, примерно до 1927 года. Дальше «...год великого перелома», нападения и охаивания его концепций, книги, статьи. Доносы – враг, расстрел, смерть.

А.В. Чайнов практически независим в своей работе от идеологии и от указов сверху. Он входил в систему Наркомпроса. Луначарский отдал ему для работы Юсуповский дворец. Одновременно Чайнов работал по договорам с Наркоматом земледелия, был там членом коллегии. Нарком земледелия Смирнов был чрезвычайно благоприятно настроен по отношению к идеям и к самому Чайнову. Он – квалифицированный практик, прогнозист и теоретик Наркомата земледелия. В таких условиях, естественно, Чайнов был совершенно свободен в выборе и тематике, и в публикациях своих материалов, и в распространении своих идей. У него – семинар по сельскохозяйственной экономике и политике, который был реорганизован в 1922 году в Институт сельскохозяйственной экономики и политики. Александр Васильевич Чайнов являлся его бессменным руководителем. Единственная неприятность, что Чайнова критиковали за то, что он рассматривает экономическую науку как для больших хозяйств, так и для мелких предприятий – как отдельные науки (придет время и это ему поставят в вину). Однако жизнь показала именно правомерность чайновского подхода, что к мелким сельскохозяйственным предприятиям нужен совершенно иной тип подхода, анализа, иной тип государственной политики, и новый тип отношения в целом.

Период с 1923 по 1927 год для Александра Васильевича был самым плодотворным. В это время он опубликовал 55 статей и монографию по важнейшим аграрным вопросам. После его ареста, научные работы Чайнова долгое время были практически недоступны. Если работы Чайнова в каком-то доме находили, этого человека судили и сажали...

Наступало другое время. Оно явилось следствием деградации «элиты», которая взяла власть. Начало периода «великого перелома» стало, когда Сталин назначал на новые посты своих людей, что, конечно, лишало систему динамичности. Оно было бы легче при правительственной мудрости, но ее-то и не было. Откровенно – команда работала лишь на поддержание Сталина и той системы, которая вывела их наверх, но не на ее развитие. Они были не способны реагировать на растущие вызовы. Война это показала...

Сталин не искал талантливых исполнителей, способных взять на себя инициативу. Люди стали уставать от постоянной обстановки перемен в стране, от «вечного звонка ночью в дверь» в государстве. Сталин действовал вообще вне всякой логики и системы, переложив все на НКВД. Ленинский принцип «отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног» действовал. Вот Сталин его и отряхнул...

История страны в очередной раз доказала справедливость утверждения великого Н.Д. Кондратьева о том, что: «Войны и революции возникают на почве реальных, и прежде

всего экономических условий... на почве повышения темпа и напряжения конъюнктуры экономической жизни, обострения экономической конкуренции за рынки и сырье... Социальные потрясения возникают легче всего именно в период бурного натиска новых экономических сил» (Кондратьев, 2002).

Литература

- Балязин, 1990** – Балязин В.Н. Профессор Александр Чайанов. М.: Агропромиздат, 1990. 304 с.
- Баутин, Глазко, 2008** – Баутин В.М., Глазко В.И. Крестьянское хозяйство как дискретная единица организации и эволюции аграрной цивилизации (А.В. Чайанов) // Научное наследие А.В.Чаянова и современная аграрная экономика. М.: ФГОУ ВПО РГАУ – МСХА им. К.А. Тимирязева, 2008. С. 61-67.
- Баутин и др., 2008** – Баутин В.М., Виноградова И.Н., Глазко В.И. Очерк научной, практической и организаторской деятельности профессора А.В. Чайанова / Александр Васильевич Чайанов. М.: ФГОУ ВПО РГАУ – МСХА им. К.А. Тимирязева, 2008. С. 7-56.
- Вайнштейн, 1927** – Вайнштейн А.Л. Эволюция урожайности зерновых хлебов в России до войны и перспективы ее развития в будущем // План. хозяйство. 1927. № 8. С. 57-89.
- Глазко, 2013** – Глазко В.И. «Н.И. Вавилов и его время. Путь на Олимп (Хроника создания и распада СССР)». М.: Из-во «НЕФТиГАЗ», 2013. 550 с
- Глазко, 2014** – Глазко В.И. «Н.И. Вавилов и его время. Путь на Голгофу (Хроника создания и распада СССР)». М.: Из-во «НЕФТиГАЗ», 2014. 545 с.
- Глазко и др., 2008** – Глазко В.И., Баутин В.М., Чайанов А.В. Утраченные возможности // Вестник РАЕН. 2008. №.1. С. 83-86.
- Глазко, Чешко, 2009** – Глазко В.И., Чешко В.Ф. Август – 48. Уроки прошлого (научное киллерство, к истории советской генетики, к феномену распада СССР). М.: РГАУ–МСХА им. К.А. Тимирязева, 2009. 441 с.
- Елина, 1999** – Елина О.Ю. Ученые, агрономы и задача «подъема сельского хозяйства»: социально-экономический контекст развития прикладной науки (конец XIX – 1920-е гг.) // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 1998. М.: ИИЕТ РАН, 1999, с. 289-292.
- Елина, 1997** – Елина О.Ю. Сельскохозяйственные опытные станции в начале 1920-х гг.: Советский вариант реформы. На переломе: советская биология в 20-30-х годах. Под ред. Э.И. Колчинского. СПб, 1997. С. 37.
- Колчинский, 1997** – Колчинский Э.И. «На переломе» (вводные замечания) // На переломе: советская биология в 20-30-х годах / Под ред. Э.И.Колчинского. СПб, 1997. С. 3-11.
- Кондратьев, 2002** – Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2002. 768 с.
- Кременцов, 1997** – Кременцов Н.Л. Принцип конкурентного исключения // На переломе: советская биология в 20-30-х годах / Под ред. Э.И.Колчинского. СПб, 1997. С. 107-121.
- Научное наследие А.В. Чайанова..., 2008** – Научное наследие А.В. Чайанова и современная аграрная экономика / Ответственный за выпуск В.И. Глазко. М.: ФГОУ ВПО РГАУ – МСХА им. К.А. Тимирязева. 2008.
- Ленин** – Ленин В.И. Успехи и трудности Советской власти. / Полн. собр. соч. Т. 38. С. 54.
- Обухов, 1927** – Обухов В.М. Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883-1915 г. г. // Влияние неурожаев на народное хозяйство России. М.: РАНИОН, 1927. С. 2-5.
- Писаржевский, 1963** – Писаржевский О. Прянишников. М.: Мол. Гвардия, 1963 (Сер. ЖЗЛ)
- Прокопенко, 1992** – Прокопенко Г.П. Сільськогосподарська кооперація в суспільно-політичному житті України (1880 – початок 30-х років ХХ століття). К.: Київ. держ. ун-т., 1992.
- Проблемы урожая** – Проблемы урожая. М.: Экономическая жизнь, 1926, с. 4.
- Сортоводные станции Сахаротреста, 1923** – Сортоводные станции Сахаротреста. Киев: Сахаротрест, 1923.
- Сортовые посевы..., 1938** – Сортовые посевы СССР в 1938 г. М.:Сельхозгиз, 1938. С. 337.

Чаянов, 1927 – Чаянов А.В. Сельское хозяйство СССР // Энциклопедический словарь. М.: Библиогр. ин-т «Гранат», 1927. Т. 41, ч. 2. С.22.

Чаянов, 1928 – Чаянов С.К. Организация сельскохозяйственного опытного дела // Сельскохозяйственное опытное дело в РСФСР в 1917-1927г.г. Л.: Гос. ин-т опыт, агрономия, 1928. с. 8.

Чаянов, 1969 – Чаянов А.В. Записка о современном состоянии сельского хозяйства СССР по сравнению с довоенным положением и положением капиталистических стран, 6 октября 1927 г. // Изв. ЦК КПСС. 1969. № 6. С. 211-215.

Чаянов, 1993 – Чаянов А.В. Избранные труды. М.: Колос, 1993. С. 262

Чаянов, 1989 – Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства // Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989. с. 254.

Чаянов, 1991 – Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М.: Наука, 1991. с. 384.

Чаянов, 2003 – Чаянов А.В. Докладная записка наркомму земледелия РСФСР С.П. Серееде «О работах по изучению доходности крестьянского хозяйства» // Не публиковавшиеся и малоизвестные работы. М., 2003. С. 8.

References

Balyazin, 1990 – Balyazin V.N. (1990). Professor Aleksandr Chayanov. М.: Agropromizdat, 304 s.

Bautin, Glazko, 2008 – Bautin V.M., Glazko V.I. (2008). Krest'yanskoe khozyaistvo kak diskretnaya edinitsa organizatsii i evolyutsii agrarnoi tsivilizatsii (A.V. Chayanov). Nauchnoe nasledie A.V.Chayanova i sovremennaya agrarnaya ekonomika. М.: FGOU VPO RGAU – MSKha im. K.A. Timiryazeva. S. 61-67.

Bautin i dr., 2008 – Bautin V.M., Vinogradova I.N., Glazko V.I. (2008). Ocherk nauchnoi, prakticheskoi i organizatorskoi deyatel'nosti professora A.V. Chayanova. Aleksandr Vasil'evich Chayanov. М.: FGOU VPO RGAU – MSKha im. K.A. Timiryazeva, S. 7-56.

Vainshtein, 1927 – Vainshtein A.L. (1927). Evolyutsiya urozhainosti zernovykh khlebov v Rossii do voyny i perspektivy ee razvitiya v budushchem. Plan. khozyaistvo. № 8. S. 57-89.

Glazko, 2013 – Glazko V.I. (2013). «N.I. Vavilov i ego vremena. Put' na Olimp (Khronika sozdaniya i raspada SSSR)». М.: Iz-vo «NEFTiGAZ», 550 s

Glazko, 2014 – Glazko V.I. (2014). «N.I. Vavilov i ego vremena. Put' na Golgofu (Khronika sozdaniya i raspada SSSR)». М.: Iz-vo «NEFTiGAZ», 545 s.

Glazko i dr., 2008 – Glazko V.I., Bautin V.M., Chayanov A.V. (2008). Utrachennye vozmozhnosti. Vestnik RAEN. №1. S. 83-86.

Glazko, Cheshko, 2009 – Glazko V.I., Cheshko V.F. (2009). Avgust – 48. Uroki proshlogo (nauchnoe killerstvo, k istorii sovetskoj genetiki, k fenomenu raspada SSSR). М.: RGAU–MSKha im. K.A. Timiryazeva, 441 s.

Elina, 1999 – Elina O.Yu. (1999). Uchenye, agronomy i zadacha «pod"ema sel'skogo khozyaistva»: sotsial'no-ekonomicheskii kontekst razvitiya prikladnoi nauki (konets XIX – 1920-e gg.). ИЕТ РАН. Godichnaya nauchnaya konferentsiya 1998. М.: ИЕТ РАН, s. 289-292.

Elina, 1997 – Elina O.Yu. (1997). Sel'skokhozyaistvennye opytne stantsii v nachale 1920-kh gg.: Sovetskii variant reformy. Na perelome: sovetskaya biologiya v 20-30-kh godakh. Pod red. E.I. Kolchinskogo. SPb, S. 37.

Kolchinskii, 1997 – Kolchinskii E.I. (1997). «Na perelome» (vvodnye zamechaniya). Na perelome: sovetskaya biologiya v 20-30-kh godakh. Pod red. E.I.Kolchinskogo. SPb, С. 3-11.

Kondrat'ev, 2002 – Kondrat'ev N.D. (2002). Bol'shie tsikly kon'yuktury i teoriya predvideniya. М.: Экономика, 768 s.

Krementsov, 1997 – Kremontsov N.L. (1997). Printsip konkurentnogo isklyucheniya. Na perelome: sovetskaya biologiya v 20-30-kh godakh. Pod red. E.I. Kolchinskogo. SPb, С. 107-121.

Nauchnoe nasledie A.V. Chayanova..., 2008 – Nauchnoe nasledie A.V. Chayanova i sovremennaya agrarnaya ekonomika. Otvetstvennyi za vypusk V.I. Glazko. М.: FGOU VPO RGAU – MSKha im. K.A. Timiryazeva. 2008.

Lenin – Lenin V.I. Uspekhi i trudnosti Sovetskoj vlasti. Poln. sobr. soch. T. 38. S. 54.

[Obukhov, 1927](#) – Obukhov V.M. (1927). Dvizhenie urozhaev zernovykh kul'tur v Evro-peiskoi Rossii v period 1883-1915 gg. // Vliyanie neurozhaev na narodnoe khozyaistvo Rossii. M.: RANION, S. 2-5.

[Pisarzhevskii, 1963](#) – Pisarzhevskii O. (1963). Pryanishnikov. M.: Mol. Gvardiya, 1963 (Ser. ZhZL).

[Prokopenko, 1992](#) – Prokopenko G.P. (1992). Sil's'kogospodars'ka kooperatsiya v suspil'no-politichnomu zhitti Ukraïni (1880 – pochatok 30-kh rokov XX stolittya). K.: Kiïv. derzh. un-t.

[Problemy urozhaya](#) – Problemy urozhaya. M.: Ekonomicheskaya zhizn', 1926, s. 4.

[Sortovodnye stantsii Sakharotresta, 1923](#) – Sortovodnye stantsii Sakharotresta. Kiev: Sakharotrest.

[Sortovye posevy..., 1938](#) – Sortovye posevy SSSR v 1938 g. M.: Sel'khozgiz, 1938. S. 337.

[Chayanov, 1927](#) – Chayanov A.V. (1927). Sel'skoe khozyaistvo SSSR // Entsiklopedicheskii slovar'. M.: Bibliogr. in-t «Granat». T. 41, ch. 2. S. 22.

[Chayanov, 1928](#) – Chayanov S.K. (1928). Organizatsiya sel'skokhozyaistvennogo opytnogo dela. Sel'skokhozyaistvennoe opytное delo v RSFSR v 1917-1927g.g. L.: Gos. in-t opyt, agronomiya. s. 8.

[Chayanov, 1969](#) – Chayanov A.V. (1969). Zapiska o sovremennom sostoyanii sel'skogo kho-zyaistva SSSR po sravneniyu s dovoennym polozheniem i polozheniem kapitalisticheskikh stran, 6 oktyabrya 1927 g. Izv. TsK KPSS. № 6. S. 211-215.

[Chayanov, 1993](#) – Chayanov A.V. (1993). Izbrannye trudy. M.: Kolos, S. 262.

[Chayanov, 1989](#) – Chayanov A.V. (1989). Organizatsiya krest'yanskogo khozyaistva // Krest'yanskoe khozyaistvo. M.: Ekonomika, s. 254.

[Chayanov, 1991](#) – Chayanov A.V. (1991). Osnovnye idei i formy organizatsii sel'skokhozyaistvennoi kooperatsii. M.: Nauka, s. 384.

[Chayanov, 2003](#) – Chayanov A.V. (2003). Dokladnaya zapiska narkomu zemledeliya RSFSR S.P.Serede «O rabotakh po izucheniyu dokhodnosti krest'yanskogo khozyaistva». Ne publikovavshiesya i maloizvestnye raboty. M., S. 8.

Хроника научного килерства. Дело А.В. Чаянова. Сообщение 1. Назад дороги нет

Валерий Иванович. Глазко ^{a, b, *}

^a РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева, Российская Федерация

^b Центр экспериментальной эмбриологии и репродуктивных биотехнологий, Российская Федерация

Аннотация. Александр Васильевич Чаянов выдающийся российский ученый – экономист–аграрник. Воспитанник и в последующем профессор Московского сельскохозяйственного института (МСХИ). Имя его среди цивилизованного научного сообщества мира стало легендой и известно повсюду на нашей планете, особенно специалистам в сельском хозяйстве. Автор многочисленный трудов по теории трудового коллектива, кооперации, блестящий педагог и воспитатель молодежи, писатель–фантаст, археолог, искусствовед – одним словом в этом человеке совмещалось очень много, как мы говорим сегодня, научных и культурных составляющих. Отслеживая судьбы выпускников МСХИ можно сделать вывод о том, что действительно блестящим ученым можно стать, получив соответствующее хорошее образование. Ни в какие времена трагическая фигура А.В. Чаянова не исчезала с поля зрения ученых, исследователей, равнодушных к земле людей. Специалисты развивают его концепции, историки науки рассуждают о его судьбе и трагической гибели. А.В. Чаянов – классик аграрно-экономической науки, его теория крестьянского хозяйства и особенности экономического поведения крестьянских хозяйств есть в каждом учебнике по аграрной экономике многих университетов мира. И даже вошли

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vigvalery@gmail.com (В.И. Глазко)

отдельной частью в те работы, где объясняется мотивация предприятий, в которых хозяин является одновременно и наемным работником, в общие учебники по экономике, в том числе и в России. Показано противоречие, в которое вступали многие с коллективным поведением и умонастроением сообщества, которые прививались и доминировали в СССР благодаря Сталину и его последователям. Все это стало частью личной биографии многих из нас, но не повлияло, несмотря на жесткие обстоятельства, на мировоззрение А.В. Чаянова и многих других. В настоящее время работы Чаянова имеют исключительно важное значения для современной России. Роль науки в обществе растет стремительно, а в новом российском обществе пока нет осознания того, что темпы развития науки – показатель умственного и физического здоровья нации и государства.

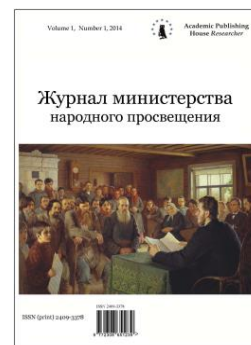
Ключевые слова: аграрная цивилизация, вертикальная и горизонтальная кооперация, конъюнктура, крестьянское хозяйство, пролетарская наука.

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya
 Has been issued since 2014.
 ISSN: 2409-3378
 E-ISSN: 2413-7294
 2017, 4(1): 25-37

DOI: 10.13187/zhmnp.2017.1.25
www.ejournal18.com

Hermeneutic Analysis of the Media Text (Example: Soviet Cinema of Stalinism Times about University Students)

Galina Mikhaleva ^{a, *}

^a Rostov State University of Economics, Russian Federation

Abstract

The article presents the results of the hermeneutic analysis of the Soviet film of Stalinism times about university students “Law of Life” (1940) as an example. It compares the media text to the cultural and historic tradition and reality of the Stalinist political regime. The research problem was to analyze and characterize the cultural and historical peculiarities, define the role and value of the university topic in the mirror of the Stalinist Soviet cinema in terms of culture studies, film studies, anthropology, gender studies and media education. The author of the article concludes that the Soviet cinematography of Stalinism based on the communist ideology: 1) continued to elaborate the idea of bringing up the younger generation as fighters with Communist Party enemies; this tendency began in the Soviet cinematography in the 1920-1930s, shifted the emphasis on fighting the enemies of the Soviet state from fighting the “outer” enemies onto the “inner” threats and enemies, in particular, moral and ideological enemies of the party, youth and the whole society, unlike the Soviet silent cinema period; 2) functioned as an ideological propaganda tool of the state policy for developing communist views and beliefs among young audiences; 3) paid special attention to moral and ideological development of youth in accordance with the communist moral values without describing the academic and working aspects of university students’ life; 4) kept on using stereotyped role and gender character profiles thus failing to create realistic representation and narrative depth.

Keywords: hermeneutic analysis, media text, film, characters, media literacy, media education, socialist realism, Stalinism, Soviet cinematography, university, students.

1. Введение

Проблема влияния аудиовизуальных медиатекстов на молодежную аудиторию актуальна в силу целого ряда причин идеологического, культурно-исторического, образовательного и социального характера. Непрерывное реформирование многоуровневой системы образования в России, плюрализм педагогических концепций, значительные изменения образовательных и учебно-воспитательных стратегий продолжают быть в центре острых общественных и профессиональных дискуссий. В настоящей статье на примере советского фильма «Закон жизни» (1940) представлен герменевтический анализ медиатекста эпохи сталинизма, что представляется нам важным для ретроспективного анализа трансформации данной тематики как в культурологическом, киноведческом, так и медиаобразовательном аспектах.

* Corresponding author
 E-mail addresses: gmikhaleva@list.ru (G. Mikhaleva)

2. Материалы и методы исследования

Материал нашего исследования – аудиовизуальный медиатекст о студенчестве «Закон жизни» (1940, СССР); герменевтический анализ данного медиатекста (включая идеологический анализ, анализ стереотипов, идентификационный анализ, иконографический анализ, сюжетный анализ, анализ характеров персонажей, антропологический, ретроспективный и гендерный анализ). Под герменевтическим анализом культурного медийного контекста мы понимаем «исследование процесса интерпретации медиатекста, культурных, исторических факторов, влияющих на точку зрения агентства/автора медиатекста и на точку зрения аудитории. Герменевтический анализ предполагает постижение медиатекста через сопоставление с культурной традицией и действительностью; проникновение в логику медиатекста; анализ медиатекста через сопоставление художественных образов в историко-культурном контексте» (Федоров, 2010: 5).

Цель нашего исследования – путем анализа дать характеристику, раскрыть культурно-исторические особенности, определить роль и значимость темы вуза в зеркале советского кино эпохи сталинизма в культурологическом, киноведческом, антропологическом, гендерном и медиаобразовательном аспектах. Методологической основой нашего исследования послужили концепции и методы анализа медиатекстов, разработанные К. Бэээлгэт (Бэээлгэт, 1995), А. Силверблэтом (Silverblatt, 2001: 80-81) и У. Эко (Эко, 2005, с. 209) включая анализ таких ключевых понятий медиаобразования как «медийные агентства», «категории медиа/медиатекстов», «медийные технологии», «языки медиа», «медийные репрезентации» и «медийные аудитории».

В качестве примера нами выбран фильм «Закон жизни» (СССР, 1940). Отметим, что эта лента вызвала неоднозначные отклики своих современников. Более того, существует мнение, что именно после разгромной критики и снятия «Закона жизни» с экранов осенью 1940 года была создана специальная комиссия по предварительному просмотру и выпуску на экраны новых фильмов, которая пришла на смену Комитету по делам кинематографии СССР. В конечном счете, это привело к дальнейшему ужесточению цензуры в советском кинематографе и усилению государственного контроля за выпуском любой кинопродукции.

3. Обсуждение

О сталинском кинематографе и искусстве соцреализма написано немало киноведческой, философской и культурологической литературы. При этом в центре внимания большинства отечественных и зарубежных авторов, главным образом, – политический и идеологический анализ советских аудиовизуальных медиатекстов (Грошев, Гинзбург, Долинский, 1969; Зоркая, 2005; Платонов, 2013; Kenez, 1992; Shaw & Youngblood, 2010; Shlapentokh, 1993; Strada & Troper, 1997).

Безусловно, восприятие, анализ и интерпретация медиатекстов во многом зависит от исторического контекста, идеологии политического режима и субъективной позиции эксперта, анализирующего конкретный медиатекст. Это объясняет коммунистически ориентированный подход советской научной литературы по теме школы и вуза в советском кинематографе (Федоров, Левицкая, Горбаткова, 2017).

Поскольку советский кинематограф изначально служил инструментом идеологической пропаганды по формированию необходимых государству идейно-нравственных убеждений и ценностей аудитории, и особенно подрастающего поколения, то идея воспитательного и культурно-просветительского потенциала советского киноискусства зачастую была центральной в работах советских исследователей социальной роли киноискусства: «Советская кинематография для детей – самая крупная в мире, уникальное явление, порожденное социалистической культурой.... Это система воспитателей, борющихся за нового человека нашего общества – человека, перед которым открыты неограниченные возможности овладения культурой, человека, нравственное здоровье и высокая идейность которого должны обеспечить всем людям нашей планеты светлое будущее» (Парамонова, 1975: 3). Но такая узконаправленная идеологически обусловленная позиция, по мнению современных исследователей, мешала «всестороннему анализу – как культурологических, киноведческих, так и медиаобразовательных аспектов» (Федоров, Левицкая, Горбаткова, 2017: 190) медиатекстов.

В советский период публиковались научные работы (Максимов, 1973; Сомов, 1973; Кабо, 1978; Громов, 1982; Левшина, 1989 и др.), в которых фильмы о школе и вузе предлагалось использовать для эстетического и морального личностного развития молодого поколения, так как: «в формировании нравственной личности современника оба способа представляются ценными, дополняющими друг друга. В частности, советское киноискусство дает обильный материал для воспитания подрастающего поколения на примерах положительных героев, но не менее важны и картины другого рода, задача которых заключается не в том, чтобы дать пример для подражания, а в том, чтобы, приобщая зрителя к проблемной ситуации, актуализовать систему морально-ценностных ориентиров, имеющуюся в его сознании, повлиять на нее как бы изнутри, через осмысление предлагаемой ситуации и определение собственной позиции в ней» (Максимов, 1973: 92).

В постсоветский период анализ изображения вуза в отечественном кино не был в центре научных исследований, но существует ряд научных работ, посвященных изучению производственного жанра в советском кино, в частности, анализу создания образа учителя в советском кинематографе (включая эпоху сталинизма) (Чащухин, 2006; Шипулина, 2010; Митина, 2015 и др.). Например, А.В. Чащухин указывает, что конструирование образа учителя в сталинской пропаганде 1945-1953 гг. представляло собой некий «синкретизм образов советского и русского интеллигентов» (Чащухин, 2006: 135). Причем, педагогика, будучи совершенно «неэкстремальной профессией», по яркому выражению Н.Б. Шипулиной, не пользовалась популярностью в советском кинематографе эпохи сталинизма, т.к. «киноантропология профессий в сталинскую эпоху предпочитала образы военных и строителей (в одном ряду с другими производительными формами профессионального труда), которые прекрасно коррелировали с метафорикой в первом случае «борцов» за светлые идеи, во втором – «творцов» нового общества» (Шипулина, 2010: 5). Хотя, нужно оговориться, что эти исследования больше касаются анализа советских кинообразов школьного учителя, нежели преподавателя вуза.

В зарубежной литературе опубликована серия культуроведческих и киноведческих монографий о советском кинематографе, включая эпоху сталинизма (Kenez, 1992; Shlapentokh, 1993; Widdis, 2003; Beumers, 2007; Shaw & Youngblood, 2010; Miller, 2010; Bahun & Haynes, 2014 и др.), где, в частности, исследуются такие аспекты как генезис и история развития советского киноискусства, особенности социалистического реализма, идеологическая пропаганда в советском кино, культура и кино в авторитарном обществе, цензура и репрессивный характер государственной политики в области кинематографа, представление разных социальных групп в советском кино, сравнительный анализ американского и советского кино в период «холодной войны», сравнительный анализ кино Восточной Европы и бывшего Советского Союза в коммунистический период и другие.

Тем не менее, несмотря на такой широкий спектр проблемных вопросов, анализ советского игрового кино (включая эпоху сталинизма) на студенческую тему не был предметом исследования в зарубежной научной литературе, так как авторы, по-видимому, занимались изучением более острых, на их взгляд, социально-политических и идеологических аспектов взаимодействия кинопроизводства, государства и общества в СССР.

4. Результаты исследования

В данной статье мы обратимся к материалу советского кинематографа на студенческую тему эпохи сталинизма. Опираясь на технологии, разработанные К. Бэээлгэт (Бэээлгэт, 1995), А. Силверблэтом (Silverblatt, 2001) и У. Эко (Эко, 2005), сделаем герменевтический анализ фильма «Закон жизни» (1940), снятого по сценарию А. Авдеенко режиссерами А. Столпером и Б. Ивановым.

Место действия, исторический, социокультурный, политический, идеологический, контекст

Исторический контекст (доминирующие понятия: «медийные агентства», «категории медиа/медiateкстов», «медийные репрезентации» и «медийные аудитории»).

– особенности исторического периода создания медиатекста, условия рынка, которые способствовали замыслу, процессу создания медиатекста, степень влияния событий того времени на медиатекст.

В эпоху сталинизма кинематограф, провозглашенный «важнейшим из искусств», находился под постоянным и жестким контролем высшего руководства страны, так как в нем видели, прежде всего, мощное средство идеологической пропаганды, формирования общественного мнения, массового и культурного просвещения граждан. Отсюда провозглашалась главная цель киноискусства того времени: «Мы должны воспитывать наш народ в духе активного, боевого, военного наступления, и это одна из задач кино и его работников, и это есть обязанность наших кинорботников и наших советских граждан, понимающих проблему нашего развития, понимающих, что столкновение между нами и буржуазным миром будет, и мы обязаны кончить его в пользу социализма» (Сталин, 1931).

Исторический и контекстуальный анализ фильма «Закон жизни» (1940) показывает, что тема и пафос сценария фильма были исторически обусловлены: в течение нескольких лет до появления фильма прошла масштабная серия громких разоблачений и арестов крупных партийных и комсомольских работников за «шпионаж и моральное разложение». Безусловно, все это нашло отражение в литературе и кино того времени. Но хотя аннотация к фильму «Закон жизни» (к слову сказать, как и его пафосное название), звучала в духе своего времени и анонсировала картину как фильм «о нравственном противостоянии секретаря обкома комсомола Огнерубова и комсорга медицинского института Паромова», сам фильм был воспринят как откровенная агитация половой распущенности в среде комсомольской молодежи, объявлен «антисоветским» и снят с показа на широком экране.

У фильма была непростая история создания. Он вышел на экраны в августе 1940 года, и уже через несколько дней в газете «Правда» – в то время все, что печаталось в этом издании, считалось «истиной в последней инстанции» – опубликовали редакционную статью «Фальшивый фильм» с разгромной критикой картины: «писатель Авдеенко, ошельмованный, преданный настоящей партийной анафеме самим Сталиным, шел домой, ожидая только одного – ареста. Сам он писал в воспоминаниях, изданных в годы перестройки, что энкавэдэшники за ним не пришли, но спустя несколько дней его выгнали из партии, из Союза писателей, выселили из квартиры. В 1941 году он написал письмо Сталину, в котором просился добровольцем на фронт, чтобы смыть вину кровью. Однако ответа не получил» (Громова, 2002). Впоследствии в своей мемуарной повести «Отлучение» А. Авдеенко опишет трагические переживания, связанные с событиями вокруг фильма «Закон жизни».

– как знание реальных исторических событий конкретного периода помогает пониманию данного медиатекста, примеры исторических ссылок в данном медиатексте.

Политика советского руководства по отношению к высшим учебным заведениям официально заключалась в «пролетаризации» науки и высшей школы путем преимущественного приема в вузы представителей пролетариата и беднейшего крестьянства, зачастую без вступительных экзаменов. При этом иное классовое происхождение оказывалось зачастую единственной причиной не допустить человека к учебе, что в целом негативно сказалось на общей ситуации в системе образования. Фильмов о школе в эпоху сталинизма было снято довольно много, в довоенное время почти каждый год выходили фильмы о школьниках, чего не скажешь о фильмах на вузовскую тему. Это можно объяснить отсутствием государственного заказа на тему вуза, так как сталинский режим был заинтересован в первую очередь не в пропаганде вузов, а в пропаганде армейской службы и рабочих профессий.

В предшествующие десятилетия процветали так называемые массовые «чистки» в студенческой среде политически неблагонадежных студентов с непролетарским происхождением, масштабные «чистки» профессорско-преподавательского состава вузов. Вот как об этих репрессиях в вузовской среде писал очевидец: «Мое поколение начало студенческую жизнь в период начала массовых репрессий. Понятие «враг народа» вошло в чаще сознание как нечто непререкаемое, абсолютно справедливое. Арестовывали и изгоняли наших преподавателей. Каких-либо тревожных сомнений у нас не возникало. На студенческих, комсомольских собраниях все разъяснялось, раздавались соответствующие характеристики. Нам оставалось все принимать. Веру в вождя поколебать никто не мог»

(Рабинович, 1991: 23). В этом контексте симптоматичен кульминационный эпизод «Закона жизни» – разбор «виновников» на общем комсомольском собрании. Авторы медиатекста хотели подчеркнуть идейную важность подобных комсомольских собраний, на которых товарищеский суд, руководствующийся политикой партии, коллективно решает: кто прав, а кто виноват.

Социокультурный, идеологический, мировоззренческий, религиозный контекст (доминирующие понятия: «медийные агентства», «категории медиа/медиатекстов», «медийные репрезентации» и «медийная аудитория»).

– идеология, мировоззрение авторов данных медиатекстов в социокультурном контексте; культура мира, изображенного в медиатекстах.

Доминирующей идеологией эпохи сталинизма в СССР была коммунистическая теория строительства социализма в условиях политического режима диктатуры вождя с жестким контролем над всеми сферами культурной жизни и деятельности общества. Усиливалась идеологическая пропаганда и ужесточалась цензура со стороны государства. При всем этом «неудовлетворительное положение дел» в советском кинематографе нередко объяснялось чиновниками недостаточной цензурой и контролем в этой сфере. Так, 8 октября 1940 года А. Жданов выступил на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) с докладом «Об улучшении производства художественных фильмов», в котором заявил, что главная причина неудовлетворительного положения дел в кинематографе – это «отсутствие настоящего идеологического контроля в самой кинематографии, контроля за идеологическим направлением картин» (Цит. по: Вылынец, 2013). Парадоксально, но это говорилось именно теми людьми, которые так строго следили за выпуском любой кинопродукции в стране.

Хотя автор сценария «Закона жизни» был ярким приверженцем коммунистической доктрины, его обвинили в сочувствии к врагам и недостаточно объективном представлении советского студенчества: «Авдеенко изображает врагов прилично, а дело в том, что нашего брата он в тени оставляет... Не в том дело, что тов. Авдеенко дает врагов в приличном свете, а в том, что победителей, которые разбили врагов, повели страну за собой, он оставляет в стороне, красок у него не хватает. Вот в чем дело. Здесь основная необъективность и неправдивость» (Сталин, 1940). Далее шла критика главной идеи картины и позиции самого автора: «Есть картина «Закон жизни»... Человек самоуверенный, пишет законы жизни для людей, – чуть ли не монопольное воспитание молодежи. Законы! Вот какая ошибка была с 1934 года. Если бы его не предупреждали, не поправляли, – это было бы другое дело, но тут были предупреждения и со стороны ЦК, и рецензия в «Правде», а он свое дело продолжает (Сталин, 1940).

Согласитесь, перед нами исключительный случай: против вроде бы незамысловатой киноистории о двух влюбленных советских студентах медицинского института, которых чуть не разлучил коварный враг, скрывающийся под маской секретаря обкома комсомола, выступил не кто-нибудь, а лично И.В. Сталин.

Эти обвинения прозвучали 9 сентября 1940 года на расширенном заседании Оргбюро ЦК в Кремле, специально организованном и посвященном разоблачению «антисоветского» фильма «Закон жизни». На собрании присутствовали высшие партийные чиновники (включая главу государства – И.В. Сталина), секретари ЦК, руководители Управления пропаганды и агитации ЦК, некоторые авторитетные писатели того времени и автор сценария – А. Авдеенко, который оставил автобиографичные воспоминания в повести «Наказание без преступления», где рассказал о том вечере и о последующей опале.

– мировоззрение людей «студенческого мира», изображенного в медиатексте

Мировоззрение студентов из «Закона жизни» опирается на такие приоритетные ценности как семья, коллектив, дружба, взаимопомощь, трудолюбие, морально-нравственное поведение. Наиболее значимым экранным фигурам вузовской темы эпохи сталинизма – комсомольцам – были свойственны коммунистическая идейность, коллективизм и сплоченность, честность, непримиримость к врагам, товарищеский дух и готовность прийти на помощь. Следование такого рода ценностям было главным условием достижения успеха в обществе, залогом карьерного роста и повышения социального статуса. Эти ценности должны были широко пропагандироваться с помощью кино.

Да и мировоззрение остальных положительных персонажей «Закона жизни» в целом оптимистично, но очевидно, что с самого начала картины зритель ощущает некоторую

настороженность и предчувствие беды в выражениях лиц и разговоров старшего поколения – профессора Бабанова и его жены, которые обеспокоены судьбами своих дочерей. Что касается молодого поколения, то студенты активны, бодры и полны готовности бороться за свои идеалы; конец фильма также внушает зрительской аудитории некоторый оптимизм, поскольку главные герои одерживают идейную и моральную победу над «внутренним» врагом в рядах партии, предавшим коммунистические идеалы.

Структура и приемы повествования в данном медиатексте (доминирующие понятия: «категории медиа/медиатекстов», «медийные технологии», «языки медиа», «медийные репрезентации»)

Схематично структуру, сюжет, репрезентативность, этику, особенности жанровой модификации, иконографии, характеров персонажей можно представить следующим образом:

– место и время действия медиатекста

Время действия фильма: 1940 год. На первом плане – общественная и личная жизнь героев, культурная жизнь советского студенчества, при этом собственно учебная и дальнейшая производственно-трудовая жизнь и карьера студентов-выпускников авторами медиатекста не затрагивается: акцент сделан на идеологическом и нравственном воспитании студентов.

– характерная для данного медиатекста обстановка, предметы быта: обстановка и предметы быта в фильме преимущественно скромные; уютное и аккуратное убранство просторного профессорского дома; традиционно аскетичные аудитории мединститута.

жанровые модификации: драма.

(стереотипные) приемы изображения действительности:

Положительные персонажи студентов представлены однотипно, главным образом, – это наивные, легко подверженные внушению, неопытные, но вполне добропорядочные люди; главный герой – Сережа Паромов – наоборот, не поддается антисоветскому влиянию, отстаивает свои моральные принципы и отважно борется за свою любовь; старшее поколение (профессора, сотрудники институтской редколлегии, партийные работники) – умудренные жизненным опытом люди. Отрицательные персонажи полны скрытого коварства, двуличия, лицемерия и трусости.

– типология персонажей (черты характера, одежда, телосложение, лексика, мимика, жесты персонажей, присутствие или отсутствие стереотипной манеры репрезентации персонажей в данном медиатексте):

- возраст персонажей: у студентов находится в пределах 20-25 лет; у взрослых – до 60 лет;

- уровень образования: высшее (незаконченное и полное) образование.

Рис. 1. Фотография советских студентов медицинского института 1940-х годов

- *социальное положение, профессия*: студенты – дипломированные специалисты – будущие медработники, хотя акцент на профессии медиков не делается: они не носят белые халаты, не препарируют подопытных животных в специальных лабораториях, в общем, данные персонажи могли бы быть типичными студентами любого другого вуза по любой другой специальности, в отличие от реальных студентов-медиков тех лет, показанных на фотографии ниже.

- *семейное положение персонажа*: студенты холосты; взрослые персонажи женаты, за исключением старшей сестры главной героини – матери-одиночки, соблазненной и брошенной подлым секретарем обкома комсомола Огнерубовым;

- *внешний вид, одежда, телосложение персонажей, черты их характеров, лексика*: внешний вид персонажей студентов представлен довольно дифференцированно. Форма одежды повседневная и скромная, даже на праздничном выпускном вечере. Главный «злодей» Огнерубов, который пытается теперь соблазнить младшую сестру брошенной им женщины, напротив, обладает приятными манерами, водит свой автомобиль, умеет красиво и убедительно говорить, и во всех отношениях – весьма обаятельный человек средних лет.

К слову сказать, женские образы персонажей в лице сестер Нины и Наташи Бабановых обладают типичными женскими чертами экранных героинь эпохи сталинизма: им свойственны такие качества как скромность, эмоциональность, впечатлительность, ранимость, самопожертвование и незащитность. Ближе к финалу фильма они становятся более отважными и наравне с мужскими персонажами вступают в борьбу с идейными и моральными врагами коммунистической молодежи.

Мужские положительные образы, в частности, образ главного героя Сергея Паромова и образ секретаря обкома партии, – идейно убежденные активные личности с сильным и непоколебимым характером, мужественные, смелые, принципиальные, беспощадные к врагам, подлинные «борцы» и «строители» коммунизма.

Кадр из фильма «Закон жизни» (1940) отражает внешний вид, одежду, телосложение персонажей-студентов тех лет.

Рис. 2. Кадр из фильма «Закон жизни» (1940)

В целом, в фильме показан дружный студенческий коллектив. Важно отметить также бодрую товарищескую песню в начале и конце фильма, подчеркнута символизирующую идейную общность и моральное единение всех студентов.

Рис. 3. Кадр из фильма «Закон жизни» (1940)

Авторы «Закона жизни» явно подчеркивали замещение личного блага общественным, доминанту общественного начала над личным. Неслучайно Наталья Бабанова – жертва коварного соблазителя и предателя Огнерубова, раскрывает на общем комсомольском собрании как на исповеди свою личную драму, которую боялись обсуждать между собой даже члены ее семьи, тем самым обличая скрытого врага молодежи Огнерубова, отравляющего и развращающего сознание неопытного молодого поколения. Она делает это открыто перед всем обществом и во благо этого общества. Ее семейная тайна становится не просто явной, более того, она становится общественным достоянием, тем самым из жертвы Наталья превращается в героиню. Она готова бороться за счастье своей младшей сестры, преодолевая стыд, в котором она жила все эти годы.

Рис. 4. Кадр из фильма «Закон жизни» (1940)

– *существенное изменение в жизни персонажей медиатекстов:*

студенты только что окончили медицинский институт, впереди выпускной вечер и новая жизнь.

– *возникшая у персонажей проблема:* главные герои – лирическая пара влюбленных студентов – оказываются перед угрозой разрыва из-за непонимания и взаимной обиды, так как главная героиня как и ее однокурсники поддается отрицательному влиянию секретаря обкома комсомола Огнерубова, скрывающего свою истинную безнравственную сущность за красивыми пафосными речами о свободе и вседозволенности. Дружный товарищеский выпускной вечер студентов-медиков в итоге превращается в балаган и пьяный разгул (думается, именно эпизод этого «аморального» выпускного вечера стал одним из аргументов разгромной критики «Закона жизни»);

– *решение проблемы*: товарищеский суд комсомольцев на общем собрании разоблачает скрытых врагов и их пагубные антисоветские идеи. Опытное старшее поколение раскрывает глаза на правду заблуждавшимся студентам, которые поддались влиянию отрицательных персонажей, а те, в свою очередь, раскаиваются и отрекаются от антисоветских идей.

Примечательно, что наказанием для публично разоблаченных врагов становится всеобщее порицание и осуждение, позор и испорченная репутация; они оказываются в полной социальной изоляции. Иначе говоря, ostrакизм (общественный бойкот) в фильме главное и наиболее страшное наказание в обществе единого общественного мнения.

Положительные герои – борцы за коммунистические идеалы, наоборот, получают заслуженную награду – повышение в социальном статусе, где они будут успешно трудиться на благо общества: например, Сережа Паромов получает назначение в обком, студенты-выпускники радостно отправляются по распределению на работу в качестве медиков.

Конец фильма вполне оптимистичный, студенты-выпускники снова поют свою любимую студенческую песню под гитару, и в последнем кадре фильма – сцена примирения влюбленных героев.

Любопытно, что в «Законе жизни» лишь пунктирно представлен образ преподавателя вуза. Хотя фильм начинается с описания жизни в профессорской семье, представления их повседневного уклада и быта, на выпускном вечере, а потом и на собрании комсомольцев преподаватели не присутствуют. В целом, образы преподавателей, в частности, профессора Бабанова, директора мединститута и отца главной героини, даны как бы вскользь, и, конечно, совершенно не выполняют «функцию конструирования профессиональных образов» (Чащухин, 2006: 132), которая станет весьма популярной в послевоенном кинематографе позднего сталинизма (1945-1953).

5. Выводы

Итак, в ходе герменевтического анализа медиатекста о вузе 1940 года мы пришли к выводам, что советский кинематограф эпохи сталинизма, опирающийся на коммунистическую идеологию:

1) продолжал развивать идею воспитания молодежи в духе борцов с врагами коммунистической партии, но, в отличие от периода немого советского кино, сместил акцент от доминанты борьбы с «внешними» врагами на борьбу и выявление более изощренных внутренних угроз, исходящих от «врагов народа»;

2) функционировал как инструмент идеологической пропаганды государственной политики по формированию коммунистических взглядов и убеждений;

3) уделял особое внимание нравственному и идейному воспитанию молодого поколения в духе коммунистической морали, не придавая особого значения учебному процессу;

4) использовал стереотипные ролевые и гендерные характеристики персонажей, не стремясь к реалистичности и глубине сюжетного повествования.

6. Благодарности

Статья написана в рамках исследования при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ). Проект № 17-18-01001 «Школа и вуз в зеркале советских, российских и западных аудиовизуальных медиатекстов», выполняемый в Ростовском государственном экономическом университете.

Литература

Бэзэлгэт, 1995 – Бэзэлгэт К. *Ключевые аспекты медиаобразования*. М.: Изд-во Ассоциации деятелей кинообразования, 1995. 51 с.

Вальнец, 2013 – Вальнец А.Н. *Жданов*. М.: Молодая гвардия, 2013. 624 с.

Громов, 1982 – Громов Е.С. *Восхождение к герою (экран и молодежь)*. М.: Просвещение, 1982. 192 с.

Громова, 2002 – Громова Н. Фильм «Закон жизни» и судьба Сергея Ермолинского // *Киноведческие записки* 2002. № 61. <http://www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/683>

- Грошев, Гинзбург, Долинский, 1969 – Грошев А., Гинзбург С., Долинский И. *Краткая история советского кино*. М.: Искусство 1969. 616 с.
- Зоркая, 2005 – Зоркая Н.М. *История советского кино*. СПб.: Алетейя, 2005. 544 с.
- Кабо, 1978 – Кабо Л.Р. *Кино в эстетическом и нравственном воспитании детей*. М.: Просвещение, 1978. 174 с.
- Левшина, 1989 – Левшина И.С. *Подросток и экран*. М.: Педагогика, 1989. 176 с.
- Максимов, 1973 – Максимов В.Н. *Киноискусство в эстетическом воспитании школьников // Теория эстетического воспитания / Ред. В.П. Сомов. М.: Изд-во НИИ общей педагогики АПН СССР, 1973. С. 87-97.*
- Митина, 2015 – Митина Т.С. *Образ учителя в советском кинематографе первой половины двадцатого столетия // Сибирский научный вестник. 2015. № 2. С. 124-128.*
- Парамонова, 1975 – Парамонова К.К. *Фильм для детей, его специфика и воспитательные функции*. М.: ВГИК, 1975. 51 с.
- Платонов, 2013 – Платонов О.А. *Эпоха Сталина*. М.: Родная страна, 2013. 416 с.
- Рабинович, 1991 – Рабинович Ю.М. *Кино, литература и вся моя жизнь*. Курган: Периодика, 1991. 120 с.
- Сомов, 1973 – Сомов В.П. *Школа и средства массовой коммуникации в эстетическом воспитании подрастающего поколения // Теория эстетического воспитания / Ред. В.П. Сомов. М.: Изд-во НИИ общей педагогики АПН СССР, 1973. С. 61-71.*
- Сталин, 1940 – Сталин И.В. *Неправленая стенограмма выступления на совещании в ЦК ВКП(б) о кинофильме «Закон жизни» 9 сентября 1940 года // Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. Тверь: Союз, 2006. С. 199-204.*
- Сталин, 1931 – Сталин И.В. *О задачах хозяйственников // Правда. 1931. № 35. 5 февраля. <https://biography.wikireading.ru/184618>*
- Федоров, 2010 – Федоров А.В. *Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности*. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2010. 64 с.
- Федоров, Левицкая, Горбаткова, 2017 – Федоров А.В., Левицкая А.А., Горбаткова О.И. *Школа и вуз в зеркале аудиовизуальных медиатекстов: основные подходы к проблеме исследования // Медиаобразование. 2017. № 2. С. 187-206.*
- Чашухин, 2006 – Чашухин А.В. *Конструирование образа учителя в сталинской пропаганде 1945–1953 гг. // Человек. Общество. Управление. 2006. № 3. С. 132-135.*
- Шипулина, 2010 – Шипулина Н.Б. *Образ учителя в советском и современном российском кинематографе // Известия ВГПУ. 2010. № 8 (52). С. 4-16.*
- Эко, 2005 – Эко У. *Роль читателя. Исследования по семиотике текста*. СПб: Симпозиум, 2005. 502 с.
- Юрнев, 1997 – Юрнев Р.Н. *Краткая история киноискусства*. М.: Академия, 1997. 286 с.
- Bahun & Haynes, 2014 – Bahun, S. & Haynes, J. (2014). *Cinema, State Socialism and Society in the Soviet Union and Eastern Europe, 1917-1989: Re-Visions* (BASEES/Routledge Series on Russian and East European Studies). Routledge, 234 p.
- Bauer, 1998 – Bauer, D. (1998). *Indecent Proposals: Teachers in the Movies. College English. 60 (3), pp. 301-317.*
- Beumers, 2007 – Beumers, B. (2007). *The Cinema of Russia and the Former Soviet Union*. US: Wallflower Press, 288 p.
- Considine, 1985 – Considine, D. (1985). *The Cinema of Adolescence*. Jefferson and London, UK: McFarland & Company.
- Dalton, 1999 – Dalton, M. (1999). *The Hollywood Curriculum: Teachers and Teaching in the Movies*. N.Y.: Peter Lang. 173 p.
- Kenez, 1992 – Kenez, P. (1992). *Cinema and Soviet Society, 1917-1953*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 281 p.
- Keroes, 1999 – Keroes, J. (1999). *Tales Out of School: Gender, Longing, and the Teacher in Fiction and Films*. Carbondale and Edwardsville, IL: Southern Illinois University Press. 164 p.
- Miller, 2010 – Miller, J. (2010). *Soviet Cinema: Politics and Persuasion Under Stalin*. I.B.Tauris Publisher, 240 p.

Shaw & Youngblood, 2010 – Shaw, T. and Youngblood, D.J. (2010). *Cinematic Cold War: The American and Soviet Struggle for Heart and Minds*. Lawrence: University Press of Kansas, 301 p.

Shlapentokh, 1993. – Shlapentokh, D. and V. (1993). *Soviet Cinematography 1918-1991: Ideological Conflict and Social Reality*. N.Y.: Aldine de Gruyter, 278 p.

Silverblatt, 2001 – Silverblatt, A. (2001). *Media Literacy*. Westport, Connecticut – London: Praeger, 449 p.

Strada & Troper, 1997 – Strada, M .J. and Troper, H.R. (1997). *Friend or Foe?: Russian in American Film and Foreign Policy*. Lanham, MD., & London: The Scarecrow Press, 255 p.

Widdis, 2003 – Widdis, E. (2003). *Visions of a New Land: Soviet Film from the Revolution to the Second World War*. USA: Yale University Press, 272 p.

References

Bahun & Haynes, 2014 – Bahun, S. & Haynes, J. (2014). *Cinema, State Socialism and Society in the Soviet Union and Eastern Europe, 1917-1989: Re-Visions (BASEES/Routledge Series on Russian and East European Studies)*. Routledge, 234 p.

Bauer, 1998 – Bauer, D. (1998). *Indecent Proposals: Teachers in the Movies. College English*. 60 (3), pp. 301-317.

Bazalgette, 1995 – Bazalgette, C. (1995). *Key Aspects of Media Education*. Moscow: Edition of Association for Film Education, 51 p.

Beumers, 2007 – Beumers, B. (2007). *The Cinema of Russia and the Former Soviet Union*. US: Wallflower Press, 288 p.

Chashchukhin, 2006 – Chashchukhin, A. (2006). The construction of the teacher's image in the Stalinist propaganda of 1945-1953. *Human. Society. Control*. № 3, pp. 132-135.

Considine, 1985 – Considine, D. (1985). *The Cinema of Adolescence*. Jefferson and London, UK: McFarland & Company.

Dalton, 1999 – Dalton, M. (1999). *The Hollywood Curriculum: Teachers and Teaching in the Movies*. N.Y.: Peter Lang. 173 p.

Eco, 2005 – Eco, U. (2005). *The role of the reader. Explorations in the semiotics of texts*. St. Petersburg: Symposium, 502 p.

Fedorov, 2010. – Fedorov (2010). *Terminology dictionary on media education, media pedagogy, media literacy and media competence*. Taganrog: Taganrog State Pedagogical Institute, 64 p.

Fedorov, Levitskaya, Gorbatkova, 2017 – Fedorov, A., Levitskaya, A., & Gorbatkova, O. (2017). School and university in the mirror of audiovisual media texts: basic approaches to the research problem. *Media Education*. № 2, pp. 187-206.

Gromov, 1982 – Gromov, E. (1982). *Becoming a hero (screen and youth)*. Moscow: Education, 192 p.

Groshev & Ginzburg, et al., 1969 – Groshev, A. & Ginzburg, S. et al. (1969). *Brief history of Soviet cinema*. Moscow: Arts, 616 p.

Kabo, 1978 – Kabo, L. (1978). *Cinema in the aesthetic and moral education of children*. Moscow: Education, 174 p.

Kenez, 1992 – Kenez, P. (1992). *Cinema and Soviet Society, 1917-1953*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 281 p.

Keroes, 1999 – Keroes, J. (1999). *Tales Out of School: Gender, Longing, and the Teacher in Fiction and Films*. Carbondale and Edwardsville, IL: Southern Illinois University Press. 164 p.

Levshina, 1989 – Levshina, I. (1989). *A teenager and a screen*. Moscow: Education, 176 p.

Maksimov, 1973 – Maksimov, V. (1973). Cinema art in the aesthetic education of school children. *Theory of aesthetic education*. Moscow: Research institute of general pedagogy of USSR Pedagogical Science Academy, pp. 87-97.

Miller, 2010 – Miller, J. (2010). *Soviet Cinema: Politics and Persuasion Under Stalin*. I.B.Tauris Publisher, 240 p.

Miller, J. (2010). *Soviet Cinema: Politics and Persuasion Under Stalin*. I.B.Tauris Publisher, 240 p.

Mitina, 2015 – Mitina, T. (2015). The image of a teacher in the Soviet cinema of the first half of the twentieth century. *Siberian Scientific Bulletin*. № 2, pp. 124-128.

- Paramonova, 1975** – Paramonova, K. (1975). *Films for children, its specifics, and educational functions*. Moscow: Publishing House of the Institute of Cinematography, 51 p.
- Platonov, 2013** – Platonov, O. (2013). *The Stalin era*. Moscow: Rodnaya Strana, 416 p.
- Rabinovich, 1991** – Rabinovich, Y.M. (1991). *Cinema, literature, and my whole life*. Kurgan: Periodicals, 120 p.
- Shaw & Youngblood, 2010** – Shaw, T. and Youngblood, D.J. (2010). *Cinematic Cold War: The American and Soviet Struggle for Heart and Minds*. Lawrence: University Press of Kansas, 301 p.
- Shipulina, 2010** – Shipulina, N. (2010). The image of a teacher in the Soviet and modern Russian cinema. *News of Volgograd University*. № 8 (52), pp. 4-16.
- Shlapentokh, 1993**. – Shlapentokh, D. and V. (1993). *Soviet Cinematography 1918-1991: Ideological Conflict and Social Reality*. N.Y.: Aldine de Gruyter, 278 p.
- Silverblatt, 2001** – Silverblatt, A. (2001). *Media Literacy*. Westport, Connecticut – London: Praeger, 449 p.
- Somov, 1973** – Somov, V. (1973). School and mass media in the aesthetic education of the younger generation *Theory of aesthetic education*. Moscow: Research Institute of General Pedagogy of USSR Pedagogical Science Academy, pp. 61-71.
- Stalin, 1931** – Stalin, I.V. (1931). About the tasks of economic executives. *Pravda*, № 35, February 5 <https://biography.wikireading.ru/184618>
- Stalin, 1940** – Stalin, I.V. (1940). Untruncated transcript of the speech at a meeting in the Central Committee of the Soviet communist Party About the film "The Law of Life". September 9, 1940. In: Stalin, I. (2006). *Selected works*. Vol. 18. Tver: Informational and Publishing house "Union", pp. 199-204.
- Strada & Troper, 1997** – Strada, M .J. and Troper, H.R. (1997). *Friend or Foe? Russian in American Film and Foreign Policy*. Lanham, MD., & London: The Scarecrow Press, 255 p.
- Valynets, 2013** – Valynets, A. (2013). *Zhdanov*. Moscow: Molodaya Gvardia, 624 p.
- Widdis, 2003** – Widdis, E. (2003). *Visions of a New Land: Soviet Film from the Revolution to the Second World War*. USA: Yale University Press, 272 p.
- Yurenev, 1997** – Yurenev, R. (1997). *A Short history of cinema art*. Moscow: Academy, 286 p.
- Zorkaya, 2005** – Zorkaya, N. (2005). *Brief history of Soviet Cinema*. St. Petersburg: Aleteja. 544 p.

Герменевтический анализ медиатекста на примере советского игрового фильма на студенческую тему эпохи сталинизма

Галина Михалева ^{a, *}

^a Ростовский государственный экономический университет, Российская Федерация

Аннотация. В настоящей статье на примере советского фильма «Закон жизни» (1940) представлен герменевтический анализ медиатекста на студенческую тему эпохи сталинизма. Цель исследования – путем анализа дать характеристику, раскрыть культурно-исторические особенности, определить роль и значимость темы вуза в зеркале советского кино эпохи сталинизма в культурологическом, киноведческом, антропологическом, гендерном и медиаобразовательном аспектах. Автор статьи приходит к выводу, что советский кинематограф эпохи сталинизма, опиравшийся на коммунистическую идеологию: 1) продолжал развивать идею воспитания молодежи в духе борцов с врагами коммунистической партии, но, в отличие от периода немого советского кино, сместил акцент от доминанты борьбы с «внешними» врагами на борьбу и выявление более изощренных внутренних угроз, исходящих от «врагов народа»; 2) функционировал как инструмент идеологической пропаганды государственной политики по формированию коммунистических взглядов и убеждений; 3) уделял особое внимание нравственному

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gmikhaleva@list.ru (Г.В. Михалева)

и идейному воспитанию молодого поколения в духе коммунистической морали, не придавая особого значения учебному процессу; 4) использовал стереотипные ролевые и гендерные характеристики персонажей, не стремясь к реалистичности и глубине сюжетного повествования.

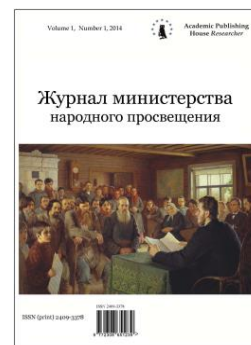
Ключевые слова: герменевтический анализ, медиатекст, фильм, персонажи, медиаграмотность, медиаобразование, социалистический реализм, сталинизм, советский кинематограф, вуз, студенты.

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya
 Has been issued since 2014.
 ISSN: 2409-3378
 E-ISSN: 2413-7294
 2017, 4(1): 38-46

DOI: 10.13187/zhmnp.2017.1.38
www.ejournal18.com

Hermeneutic Analysis of Soviet Feature Films about Students (1986-1991)

Roman Salny ^{a, *}

^a Rostov State University of Economics, Russian Federation

Abstract

The article presents a hermeneutic analysis of Soviet feature films on the theme of student of the perestroika period (1986-1991) and analyzes the opinions of researchers of cinema on the characteristics of films about young people. This article describes features of historical periods: the democratization of political and social institutions, the emergence of new cultural patterns of behavior and communication of Soviet youth; ideological and socio-cultural contexts: reduction of ideological propaganda, the appearance of a rupture in the culture of the younger and older generations. The analysis of reality portrayed in feature films, worldview of the characters used by the authors of stereotypical situations. The article concludes that “perestroika” movies about students show some social problems relevant in the period; one of the prominent topics was the relationship between students and parents/teachers. Apparently the main reason for this was the widening gap in cultures of the younger and older generations. Conflict relations “fathers and sons” was one of the story lines in all the pictures on the student subject taken in the perestroika period.

Keywords: hermeneutical analysis, feature film, USSR, perestroika, students, ideology, subculture, conflict of generations.

1. Введение

В истории советского игрового кино о студенчестве, пожалуй, самое значимое место занимали темы формирования нравственных качеств молодежи. Во многих фильмах студенческая жизнь показывалась в светлых красках: в учебе юноши и девушки проявляли завидное упорство и настойчивость, в дружбе – крепкую преданность, в общении – целомудренность, действительность идеализировалась...

В перестроечный период ситуация изменилась. С началом политики гласности, объявившей открытое обсуждение актуальных проблем, на советском экране появились картины, изображающие остросоциальные явления с непривычными персонажами. Эти изменения коснулись и тематики вуза.

2. Материалы и методы исследования

Материал исследования – игровые фильмы на студенческую тему, снятые в СССР период с 1986 по 1991 год. Предполагается сравнительный герменевтический анализ аудиовизуальных медиатекстов, касающихся данной тематики (включая: анализ стереотипов, идеологический анализ, идентификационный анализ, иконографический анализ, сюжетный анализ, анализ характеров персонажей и др.).

* Corresponding author

E-mail addresses: Roman_tag82@mail.ru (R. Salny)

В ряде работ уже неоднократно анализировались различные аспекты аудиовизуальных медиатекстов (Fedorov, 2016; 2017; Fedorov, Levitskaya, 2016; 2017; Fedorov, Levitskaya, Camarero, 2016; Fedorov, Levitskaya, Gorbatkova, 2017). На сей раз, мы обращаемся к *технологии герменевтического анализа медиатекстов* (Эко, 1998; 2005; Eco, 1976; Bazalgette, 1995; Silverblatt, 2001: 80-81 и др.) на материале тематики вуза и студенчества эпохи «перестройки» (1986-1991). Анализ такого рода аудиовизуальных медиатекстов, на наш взгляд, важен для медиаобразовательных задач при обучении будущих педагогов, психологов, историков, культурологов, искусствоведов, социологов.

3. Обсуждение

Начало перестройки, по мнению В.Д. Нахабцева, должно было привести к отмене «"табу" на экранное исследование некоторых областей нашей жизни, ранее считавшихся чуть ли не запретными для искусства» (Нахабцев, 1986: 10). Так и произошло. В этот период на экран попали «молодежные субкультуры, их жизнь, развлечения. Рок-концерты, дискотеки, клубы, скейт-борд, брейк-данс, наркотики» (Жарикова, 2015). В одном случае авторы, обращаясь к молодежи, пытались «поговорить» с ней, как, например, в документальном фильме «Легко ли быть молодым?» (1987). По мнению Ю.А. Богомолова, создатели этой картины «попытались установить контакт с контингентом подростков, которые слишком часто нами воспринимаются, как инопланетяне. Попытались расслышать, что они говорят и что думают» (Богомолов, 1988: 30). В другом случае, как считает В.В. Жарикова, появившиеся на экране различные молодежные субкультуры были отражением общего смятения от неясных форм поведения и неоправданной агрессии со стороны молодежи. Интерес «к данной теме носил характер «моральной паники», подобной 1950-м годам в США. Молодежь представляется взрослым создателям картин источником опасности, насилия» (Жарикова, 2015).

Пожалуй, из снятых в перестроечные годы фильмах о молодежи, только документальная лента «Легко ли быть молодым?» (реж. Ю. Подниекс, 1986) носит по-настоящему исследовательский характер. А.В. Федоров предположил, что ее автор «хотел разобраться в причинах явления, во внутреннем мире «бунтарей». А, оказывается, далеко не у всех он столь примитивен и прост, как было принято считать. Иных «неформалов» тоже волнуют социальные проблемы» (Федоров, 1989: 46).

Интересно, что на положительный прием фильма «Легко ли быть молодым?» с негодованием отозвались известные советские писатели Ю. Бондарев, В. Белов и В. Распутин. На опубликованное ими письмо в «Правде» «письмо протеста» киновед и кинокритик Ю. Богомолов ответил: «Внимание молодежной аудитории окриками и "мозольной" педагогикой не вернешь» (Богомолов, 1988: 30). По его мнению, популярная в тот период рок-музыка – это лишь симптом разрыва между «культурами отцов и детей», а старшему поколению необходимо пытаться понимать язык, на котором говорит младшее поколение, чтобы каким-то способом строить с ним диалог.

Но уже к концу перестройки тема различных молодежных субкультур, по мнению А. Шпагина, «устарела... вышла из моды. Панки-рокеры-неформалы интересны были на первых порах перестройки... Простым смертным стало понятно: бесятся ребята с жиру, и хрен с ними!» (Шпагин, 1990: 10). К началу 1990-х окончательный разрыв с идеологией привел к возникновению новых кинематографических форм и идей. Например, вышедший в 1991 году фильм «Милый Эп», был охарактеризован Е.М. Стишовой как «детский Версаль, устроенный режиссером в павильонах Белорусской киностудии, – кайф для измученной перестройкой души» (Стишова, 1992: 135).

Несмотря на преобладающую тенденцию к антиидеологическим темам в кино, в период перестройки и ленты, в той или иной степени отражающие на советском экране социалистические формы воспитания. К примеру, Е.И. Тирдатова считала, что «авторы каждой из лент ... всерьез озабочены проблемой становления личности» (Тирдатова, 1986: 11). По ее мнению, «участвуя в социалистическом строительстве, трудясь в различных сферах народного хозяйства, они («советские юноши и девушки») стремятся оценивать себя и свои поступки с позиции общества и в качестве главного средства самоутверждения личности рассматривают прежде всего свой труд» (Тирдатова, 1986: 11).

Снятая в самом начале «перестройки» экранизация пьесы М.М. Рощина «Валентин и Валентина» (режиссер Г. Натансон, 1985) была одной из самых мягких мелодраматических историй о студенческой любви. Её авторы стремились «быть и правдивыми, и немного возвышенными, укрепить в юных сердцах веру в добрые и высокие чувства, призвать к чистоте и смелости, к мужеству отстаивать свою любовь, свою позицию, свою честь» (Рощин, 1986: 13).

Так или иначе, в советском кино 1986-1991 годов был осязаемым особый интерес авторов к бурным изменениям в молодежной среде.

4. Результаты исследования

Технология герменевтического анализа медиатекстов советских игровых фильмов (1986-1991) на студенческую тему.

Место действия, исторический, религиозный, культурный, политический, идеологический контекст

1. Исторический контекст (доминирующие понятия: «медийные агентства», «категории медиа/медиатекстов», «медийные репрезентации» и «медийная аудитория»).

а) *особенности исторического периода создания медиатекстов, условия рынка, которые способствовали замыслу, процессу создания медиатекстов, степень влияния событий того времени на медиатексты.*

В 1986-1991 годы происходили значительные изменения во всех государственных и социальных сферах. Впервые за более чем пятьдесят лет было узаконено частное предпринимательство в форме кооператива. В 1989 году была отменена статья 190 УК, предусматривающая лишение свободы на срок до трех лет за участие «в антисоветской организации». Главным лозунгом перестройки стала «гласность», выразившаяся в информировании широкой аудитории о деятельности правительства и свободном обсуждении принимаемых им законов, смягчении цензуры (последнее вызвало поток медиатекстов о жестокости, насилии, эротике и т.п.).

«Перестроечные» перемены были восприняты с энтузиазмом молодежью и значительной частью интеллигенции. Возникали общественные организации, поддерживающие новые сдвиги в государстве. В крупных городах проходили митинги в поддержку проводимых правительством реформ. Молодежь стала активно и открыто, не боясь каких-либо репрессий, объединяться в неформальные группы: брейкеры, ньювейверы, хиппи, рокеры, металлисты, панки и т.п.

Либерализация политической жизни сделала возможным выход на телеэкраны художественных фильмов, долгие годы пролежавших «на полке». Широкой аудитории были впервые показаны фильмы «Комиссар» (1967) А. Аскольдова и «Проверка на дорогах» (1971) А. Германа. На заре рубеже перестройки вышли на экран далекие от идеологии социалистического реализма картины «Покаяние» (1984) Т. Абуладзе, «Мой друг Иван Лапшин» (1984) А. Германа.

Одним из наиболее «правдивых» фильмов о молодежи можно, наверное, назвать «Игры для детей школьного возраста» (1985). Его авторами «зрительские нервы отнюдь не щадились сладким сиропом благостного созерцания идеальной чистоты и порядка очередного "учебно-воспитательного учреждения"» (Федоров, 1989: 49). Конечно, вряд ли бы этот фильм мог выйти на экраны, например, десятью годами ранее, а если бы это и случилось, то, вероятнее всего, у аудитории было бы негодование по поводу якобы авторских перегибов. Персонажи «Игр для детей...» проявляют откровенную жестокость, которая была далеко за рамками создаваемого советским кинематографом «лакированного» образа жизни.

Интересно что, несмотря на участие в неформальных объединениях большого количества студентов, в снятых в тот период игровых фильмах («Валентин и Валентина» (1986), «Забавы молодых» (1987), «Мы – ваши дети» (1987), молодежные неформальные объединения были отражены только в фильме «Стукач» (1988).

б) *как знание реальных исторических событий конкретного периода помогает пониманию данных медиатекстов.*

Во второй половине 1980-х гг. заметные перемены начались в высшем образовании: был объявлен курс на его демократизацию и гуманизацию, развитие творческой деятельности и студенческого самоуправления. Вместе с тем, студенты всё ещё должны были воспитываться в традициях «марксистско-ленинского учения» и «социалистического интернационализма». Однако практически «в вузах не было создано реальных структур и механизмов управления учебным и воспитательным процессом... структуры КПСС в вузах прекратили существование» (Хорошенкова, 2013: 128). Всё это становилось почвой для роста противостояния студентов «официозу», сохраняющему идеологическое лицо. Например, студенты «все чаще стали критиковать преподавание политических дисциплин, в том числе занятия по истории партии», к тому же они были «обеспокоены ухудшением качества образования» (Караулов, 2009: 231).

Отражение своего рода студенческого диссидентства можно увидеть в некоторых фильмах эпохи перестройки. Например, в фильме «Стукач» (1988) студенты пропагандистским и насильственным методом хотят сменить ректора. Сначала группа радикально настроенных студентов пишет письмо в Министерство с требованием замены «полуграмотного» ректора. Затем студенты во главе со более взрослым вожаком, взятым словно из романа Ф.М. Достоевского «Бесы», разрабатывает план взрыва ректорской «Волги» и поджога дачи...

с) примеры исторических ссылок в данных медиатекстах.

Хотя фильм «Мы – ваши дети» (1987), вероятно, не являлся заказным, его основной сюжет и события явно напоминают целенаправленно снятые пропагандистские работы о молодежи застойных лет: неравнодушные учащиеся ПТУ спасают отстающее хозяйство (коровник «Заря»), добываясь радикальных перемен в его работе.

Самый главный признак идеологической пропаганды – перевоспитание молодежи, представленный в одной из сюжетных линий с Любой Портновой – девушкой из детского дома. В начале фильма она изображена озлобленной, не верящей в справедливость и возможность изменить свою жизнь, с холодным взглядом и надменной ухмылкой, но впоследствии перевоспитывающейся, оказавшись в доме директора ПТУ Демидовой. Особенно показательный эпизод, где Демидова, собираясь на деловой ужин («для ребят квартиры выбивать»), берет в качестве подарка цветы и собственную дорогую хрустальную вазу, которую Люба пытается упрямить не отдавать. На что А. Демидова отвечает: «Да не жалеешь ты... ни в этом счастье». А через минуту в конце небольшого лирического диалога Люба спрашивает: «Я вас мамой буду называть... Можно?».

В фильме есть и другие сюжетные линии (например, история сына директора ПТУ), где представлена идея жертвы ради «дела» – напоминающие идеологические нравоучения, которые часто встречались во многих советских медиатекстах о школьниках и молодежи.

2. Социокультурный, идеологический, мировоззренческий, религиозный контекст (доминирующие понятия: «медийные агентства», «категории медиа/медиатекстов», «медийные репрезентации» и «медийная аудитория»).

а) идеология, мировоззрение авторов данных медиатекстов в социокультурном контексте; идеология, культура мира, изображенного в медиатекстах.

При всех видимых негативных политических и экономических тенденциях правительство СССР считало в 1986-1991 годах социализм жизнеспособным. Однако резкое изменение реального идеологического вектора к концу 1980-х привело к практически полному нивелированию пропагандистских функций кинематографа.

Симптоматичным кажется и то, что авторы ряда лент на студенческую тему («Валентин и Валентина», 1986; «Забава молодых», 1987; «Стукач», 1988) стремились показать проблемы в отношениях детей и родителей. Характерно, что уже «в 1970-е годы в советском кинематографе развивается критика семейных отношений. В фильмах утверждается конфликт поколений...» (Плужник, 2014). Во второй половине 1980-х этот конфликт усугубился по причине большой разницы в понимании культурных ценностей молодым и старшим поколением.

б) мировоззрение людей студенческого мира, изображенного в медиатекстах (пессимизм/оптимизм, успешность/неуспешность, способность управлять своей судьбой, возможность быть счастливым и пр.), иерархия ценностей согласно данному

мировоззрению; ценности преобладающие в финалах данных медиатекстов; как данные медиатексты отражают, укрепляют, внушают, или формируют отношения, ценности; поведение, мифы.

Изображение мира в медиатекстах советских игровых фильмов студенческой тематики:

В некоторых художественных фильмах эпохи перестройки («Забавы молодых», 1987, «Стукач», 1988) мировоззрение студентов было пессимистичным, они критично относились к формальным установкам, общественным и культурным ценностям. Но были и другие картины («Валентин и Валентина», 1986, «Мы – ваши дети», 1987), где главные герои были весьма оптимистично настроены и преодолевали различные трудности, следуя нормам общественной и социалистической морали.

Соответственно в советских фильмах второй половины 1980-х было представлено две иерархии ценностей. В первом («пессимистичном») случае студентам были свойственны незрелость, стремление показать свою «яркую» индивидуальность, нежелание трудиться, неискренность, желание уйти от ответственности. Во втором случае студенты обладали противоположенными качествами: терпением, трудолюбием, взаимопомощью, социалистической идейностью. И как следствие были два варианта стереотипа успеха. Первый – избегание формальных отношений, обязывающих выполнять общепринятые правила и заботиться о своем благополучии. Второй – следование общепринятым ценностям, трудиться ради общего блага (других).

3. Структура и приемы повествования в данных медиатекстах (доминирующие понятия: «категории медиа/медиатекстов», «медийные технологии», «языки медиа», «медийные репрезентации»)

Схематично структуру, сюжет, репрезентативность, этику, особенности жанровой модификации, иконографии, характеров персонажей можно представить следующим образом:

а) место и время действия медиатекстов: СССР 1986-1991-х годов. События в основном происходят в городах.

б) характерная для данных медиатекстов обстановка, предметы быта: В последние годы советского периода в кинематографе на студенческую тематику отражалось упадническое состояние и мрачная атмосфера быта, «действия большинства фильмов проходят в камерной, герметичной обстановке и изобилуют бытовыми подробностями, мелкими конфликтами» (Плужник, 2014).

в) жанровые модификации: все художественные фильмы на студенческую тематику (кроме мелодрамы «Валентин и Валентина») сняты в жанре драмы.

д) (стереотипные) приемы изображения действительности: Ситуации, в которых показаны отношения родителей/педагогов и молодежи достаточно однообразны. В фильмах «Забавы молодых» (1987) и «Стукач» (1988) студенты игнорируют авторитет старших, демонстрируют негативное отношение к наставлениям, протестуют против общепринятых норм. В фильмах «Валентин и Валентина» (1986), «Мы – ваши дети» (1987) за исключением некоторых эпизодов в студенты, напротив, прислушиваются к советам старших, помогают родителям, а педагоги проявляют заботу об учащейся молодежи.

е) типология персонажей (черты характера, одежда, телосложение, лексика, мимика, жесты персонажей, присутствие или отсутствие стереотипной манеры репрезентации персонажей в данных медиатекстах):

- *возраст персонажа:* возраст студентов – 17-22 года. Возраст других персонажей не имеет определенных рамок.

- *уровень образования:* у студентов соответствует курсу обучения. У других персонажей различные варианты.

- *социальное положение, профессия:* студенты и их родители (проводник, директор, рабочий колхоза, завода и т.п.), учителя, преподаватели.

- *семейное положение персонажа:* студенты еще не вступили в брак, а их родители либо женаты, либо разведены.

- *внешний вид, одежда, телосложение персонажа, черты его характера, лексика.* Во внешнем облике студентов авторами не были отражены бытующие в 1980-е годы субкультуры. Большинство студентов одеты скромно и аскетично. «По-молодежному»

(в кожаных коротких куртках и «джинсах») одеты, пожалуй, только некоторые отрицательные персонажи в фильмах «Забавы молодых» (1987) и «Стукач» (1988). Крайне редко в фильмах звучат вульгарные и сленговые выражения.

Отрицательные персонажи при общении со старшими чаще соглашаются с их мнением, но на их лице при этом видна надменность, фальшивая ухмылка. В общении с друзьями демонстрируют щегольство и фарс. В большинстве эпизодов они стараются перечить родителям и преподавателям.

Интересный образ фрондерства создан в эпизоде из фильма «Стукач», где главарь заговорщиков – Сергей Готов – в дружеском тоне обсуждает план подрыва автомобиля и поджога дачи ректора вуза, говорит об идейных убеждениях, о необходимости быть прогрессивным («Людам осточертели игрушечные дела и идеалы»), при этом, предлагает встать на преступный путь.

Положительные персонажи просты, открыты, искренни, целеустремленны, принципиальны, по-юношески максималистичны, размышляют о будущем, о необходимости преодолевать трудности. В небольшом количестве эпизодов они ведут диалоги в наивно-лирическом или философско-романтическом ключе. Например, в фильме «Мы – ваши дети» (1987) учащиеся вспльчиво реагируют на несправедливость, бурно отзываются на шутки, демонстрируют единство. Идейность и равнодушие – качества, присущие большинству положительных персонажей, – сглаживают различия в социальном и культурном уровне.

ф) существенное изменение в жизни персонажей медиатекстов:

- *сюжетный вариант №1:* студент из состоятельной семьи (Иван Демидов из фильма «Мы – ваши дети») поначалу отторгается коллективом одногруппников. Но, показывая искреннее желание трудиться, умение добиваться успехов своим трудом, становится в группе лидером.

- *сюжетный вариант №2:* мать студентки запрещает ей иметь отношения с возлюбленным студентом по причине его низкого социального статуса и материального положения («Валентин и Валентина»). Оба студента преодолевают трудности и остаются вместе.

- *сюжетный вариант №3:* одна из студенток пытается совершить аморальный поступок по наставлению одногруппников («Молодые забавы») – соблазнить преподавателя, а потом вынудить его поставить зачет группе прогульщиков. Но в процессе знакомства она открывает для себя, что скучный «препод» на самом деле – тонкий, тактичный, искренний и одинокий человек...

- *сюжетный вариант № 4:* студенту-первокурснику предлагают внедриться в группу студентов, замысливающих нечто противозаконное и докладывать об их действиях и планах («Стукач»). Тот, преодолевая страх, выполняет договоренность и предотвращает тем самым, преступление.

ж) возникающая у персонажей проблема: нарушение привычной жизни студента – выбор между следованием ложным нравочениям отрицательных персонажей и проявлением своей нравственной позиции.

и) поиски персонажами решения проблемы: сомнения, размышления и, в итоге, следование собственным убеждениям, основанным на общих моральных принципах.

5. Выводы

В игровых фильмах 1986-1991 годов на студенческую тему авторы далеко не всегда показывали остросоциальные проблемы, актуальные в тот период (даже особенно актуальные в те годы молодежные субкультуры не стали предметом художественного анализа). Зато одной из заметных сюжетных линий в этих картинах были отношения студентов и родителей/преподавателей. Видимо, основной причиной этому стал увеличившийся разрыв младшего и старшего поколений. Ассимилирующая новые модели поведения и общения молодежь перестала воспринимать социалистические ценности в прежнем ключе, а старшее поколение не понимало, или не принимало новых ценностей своих детей. Конфликтные отношения «отцов и детей» были одной из сюжетных линий во всех картинах на студенческую тему, снятых в перестроечный период.

Образ преподавателя в картине «Забавы молодых» стал отражением безразличия и безучастности в делах молодежи. Наверное, авторы мотивировали это осознанием педагогами своего бессилия в воспитании подопечных. Например, в фильме «Стукач» ректор педагогического вуза показан беспомощным представителем «эпохи застоя», не способным справиться с группой заговорщиков.

Противоположные ситуации были свойственны некоторым фильмам начального этапа «перестройки». Так драма «Мы – ваши дети» (1987) основывалась на привычных социалистических идеях: трудолюбие и искренность выше социальных барьеров, а при должном педагогическом внимании возможно перевоспитание самых отъявленных отрицательных персонажей.

Можно заключить, что в эпоху «перестройки» идея становления личности уже не играла доминирующей роли в сюжетах фильмов на студенческую тему. Они отражали не столько происходившие изменения в студенческой среде, сколько ставили вопрос о том, в какой ситуации оказались студенты и их родители, преподаватели?

6. Благодарности

Статья написана в рамках исследования при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ). Проект № 17-18-01001 «Школа и вуз в зеркале советских, российских и западных аудиовизуальных медиатекстов», выполняемый в Ростовском государственном экономическом университете.

Литература

- Богомолов, 1988** – Ю. Богомолов Ю. Юпитеры сердятся... // *Искусство кино*. 1988. №4. С. 29-31.
- Жарикова, 2015** – Жарикова В.В. *Тематико-жанровая структура молодежного фильма (на примере американского и отечественного кино 1930-х – 1980-х гг.)*: Автореф. канд. искусств. М., 2015. 27 с.
- Караулов, 2009** – Караулов С.А. Государственная власть и студенческая молодежь в эпоху системных реформ 1985-1999 гг // *Вестник московского государственного областного университета*. 2009. № 1. С. 230-236.
- Нахабцев, 1986** – Нахабцев В.Д. Монолог после сеанса // *Советский экран*. 1986. № 18. С. 10-11.
- Плужник, 2014** – Плужник В. Советский киногерой 1970-х: стратегии поведения и социальная критика // *Гефтер*. 2014. <http://gefter.ru/archive/13644>
- Рощин, 1986** – Рощин М.М. «Валентин и Валентина» // *Советский экран*. 1986. № 1. С. 12-13.
- Стишова, 1992** – Стишова Е.М. В городе сочи темные ночи // *Искусство кино*. 1992. № 3. С.133-136.
- Тирдатова, 1986** – Тирдатова Е.И. Наше кровное дело // *Советский экран*. 1986. № 2. С. 11.
- Федоров, 1989** – Федоров А.В. *Трудно быть молодым*. М.: Киноцентр, 1989. 66 с.
- Федоров, Левицкая, Горбаткова, 2017** – Федоров А.В., Левицкая А.А., Горбаткова О.И. Школа и вуз в зеркале аудиовизуальных медиатекстов: основные подходы к проблеме исследования // *Медиаобразование*. 2017. № 2. С. 187-206.
- Хорошенкова, 2013** – Хорошенкова А.В. Реформирование высшего исторического образования в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. (на материале нижнего Поволжья) // *Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки*. 2013. № 4. С.127-131.
- Шпагин, 1990** – Шпагин А.В. Разгневанный молодой человек // *Советский экран*. 1990. № 17. С. 10-11.
- Эко, 1998** – Эко У. *Отсутствующая структура. Введение в семиологию*. СПб.: Петрополис, 1998. 432 с.
- Эко, 2005** – Эко У. *Роль читателя. Исследования по семиотике текста*. СПб: Симпозиум, 2005. 502 с.
- Bazalgette, 1995** – Bazalgette, C. (1995). *Key Aspects of Media Education*. Moscow: Association for Film Education.

[Fedorov, 2016](#) – Fedorov, A. Autobiographical analysis on media education classes for student audience // *Asian Journal of Social and Human Sciences*. 2016. № 1 (1), 14-18.

[Fedorov, 2016](#) – Fedorov, A. Character analysis in the media literacy education of students // *Журнал министерства народного просвещения*. 2016. № 2 (8), 71-77.

[Fedorov, 2016](#) – Fedorov, A. Ideological and philosophical analysis of the functioning of media in society and media texts on media education classes // *European Journal of Philosophical Research*. 2016. № 1 (5), 4-12.

[Fedorov, 2016](#) – Fedorov, A. Media culture soviet film critics about soviet cinema: from censorship to Gorbachev's perestroika // *Медиаобразование*. 2017. № 1, 213-277.

[Fedorov, Levitskaya, 2017](#) – Fedorov, A., Levitskaya, A. Comparative Analysis of the Indicators' Levels of Students' Media Competence Development in the Control and Experimental Groups // *International Journal of Media and Information Literacy*, 2017, N 1, 16-37.

[Fedorov, Levitskaya, 2017](#) – Fedorov, A., Levitskaya, A. Media education and media criticism in the educational process in Russia // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. № 6 (1), 39-47.

[Fedorov, Levitskaya, 2016](#) – Fedorov, A., Levitskaya, A. Modern media criticism and media literacy education: the opinions of Russian university students // *European Journal of Contemporary Education*. 2016. № 2 (16), 205-216.

[Fedorov, Levitskaya, Camarero, 2016](#) – Fedorov, A., Levitskaya, A., Camarero, E. Curricula for media literacy education according to international experts // *European Journal of Contemporary Education*. 2016. № 3 (17), 324-334.

[Potter, 2001](#) – Potter, W.J. (2001). *Media Literacy*. Thousand Oaks – London: Sage Publication, 423 p.

[Silverblatt, 2001](#) – Silverblatt, A. (2001). *Media Literacy*. Westport, Connecticut – London: Praeger, 449 p.

References

[Bazalgette, 1995](#) – Bazalgette, C. (1995). *Key Aspects of Media Education*. Moscow: Association for Film Education.

[Bogomolov, 1988](#) – Bogomolov, Y.U. (1988). Yupiter's angry... *Cinema Art*, № 4, 29-31.

[Eco, 1998](#) – Eco U. (1998). *Lack of Structure. Introduction to Semiology*. St. Petersburg: Petropolis, 432 p.

[Eco, 2005](#) – Eco U. (2005). *The Role of the Reader. Studies on the Semiotics of the Text*. St. Petersburg: Symposium, 502 p.

[Fedorov, 1989](#) – Fedorov, A.V. (1989). *Hard to be young*. Moscow: Cinema Center, 66 p.

[Fedorov, 2016](#) – Fedorov, A. (2016). Autobiographical analysis on media education classes for student audience. *Asian Journal of Social and Human Sciences*, № 1 (1), 14-18.

[Fedorov, 2016](#) – Fedorov, A. (2016). Character analysis in the media literacy education of students. *Journal of Ministry of People Education*. № 2 (8), 71-77.

[Fedorov, 2016](#) – Fedorov, A. (2016). Ideological and philosophical analysis of the functioning of media in society and media texts on media education classes. *European Journal of Philosophical Research*. № 1 (5), 4-12.

[Fedorov, 2017](#) – Fedorov, A. (2017). Media culture soviet film critics about soviet cinema: from censorship to Gorbachev's perestroika. *Media Education*. № 1, 213-277.

[Fedorov, Levitskaya, 2017](#) – Fedorov, A., Levitskaya, A. (2017). Comparative Analysis of the Indicators' Levels of Students' Media Competence Development in the Control and Experimental Groups. *International Journal of Media and Information Literacy*, N 1, 16-37.

[Fedorov, Levitskaya, 2017](#) – Fedorov, A., Levitskaya, A. (2017). Media education and media criticism in the educational process in Russia. *European Journal of Contemporary Education*. № 6 (1), 39-47.

[Fedorov, Levitskaya, 2016](#) – Fedorov, A., Levitskaya, A. (2016). Modern media criticism and media literacy education: the opinions of Russian university students. *European Journal of Contemporary Education*. № 2 (16), 205-216.

[Fedorov, Levitskaya, Camarero, 2016](#) – Fedorov, A., Levitskaya, A., Camarero, E. (2016). Curricula for media literacy education according to international experts // *European Journal of Contemporary Education*. 2016. № 3 (17), 324-334.

Fedorov, Levitskaya, Gorbatkova, 2017 – Fedorov, A.V., Levitskaya, A.A., Gorbatkova, O.I. (2017). School and university in the mirror of audiovisual media texts: basic approaches to the research problem. *Media Education*. № 2, pp. 187-206.

Horoshenkova, 2013 – Horoshenkova, A.V. (2013). The reform of the higher historical education in the late 80-s – early 90-s of XX century (on the material of the lower Volga region). *Vestnik of Tambov University*. No. 4, 127-131.

Karaulov, 2009 – Karaulov, S.A. (2009). Government and student youth in the era of reforms 1985-1999. *Bulletin of Moscow State Regional University*, No. 1, 230-236.

Nakhabtsev, 1986 – Nakhabtsev, D.V. (1986). Monologue after the session. *Soviet Screen*, No. 18, 10-11.

Pluzhnik, 2014 – Pluzhnik, V. (2014). The Soviet action hero of the 1970s: behavior strategies and social criticism. *Gefter*. <http://gefter.ru/archive/13644>

Potter, 2001 – Potter, W.J. (2001). *Media Literacy*. Thousand Oaks – London: Sage Publication, 423 p.

Roschin, 1986 – Roschin, M.M. (1986). Valentine and Valentine. *Soviet Screen*, No. 1, 12-13.

Shpagin, 1990 – Shpagin, A.V. (1990). Angry young man. *Soviet Screen*, No. 17, 10-11.

Silverblatt, 2001 – Silverblatt, A. (2001). *Media Literacy*. Westport, Connecticut – London: Praeger, 449 p.

Stishova, 1992 – Stishova, E.M. (1992). In the city of Sochi dark nights. *Cinema Art*, No. 3, 133-136.

Tirdatova, 1986 – Tirdatova, E.I. (1986). Our vital cause. *Soviet Screen*, No. 2, 11.

Zharikova, 2015 – Zharikova, V.V. (2015). *Thematic and genre structure in youth film (for example, American and Russian cinema of the 1930s-1980s)*. Ph.D. Dis. Moscow.

Герменевтический анализ советских игровых фильмов о студентах эпохи перестройки (1986–1991)

Р.В. Сальный^{а, *}

^а Ростовский государственный экономический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье проводится герменевтический анализ советских игровых фильмов на студенческую тематику перестроечного периода (1986-1991). Анализируются мнения исследователей кинематографа, особенности исторического периода: демократизация политических и социальных институтов, появление новых культурных моделей поведения и общения советской молодежи. Характеризуются идеологический и социокультурный контексты: уменьшение идеологической пропаганды, появление разрыва в культуре младшего и старшего поколений. Делается анализ действительности, изображаемой в советских фильмах о студенчестве периода «перестройки», мировоззрения персонажей, используемых авторами приемов и стереотипных ситуаций.

В статье делается вывод о том, что в игровых фильмах 1986-1991 годов на студенческую тему авторы далеко не всегда стремились показать остросоциальные проблемы, актуальные в тот период; одной из заметных тем в картинах на студенческую тему второй половины 1980-х были отношения студентов и родителей/преподавателей. Причиной стал увеличивающийся разрыв в культурах младшего и старшего поколений. Конфликтные отношения «отцов и детей» были одной из сюжетных линий во всех картинах на студенческую тему, снятых в перестроечный период.

Ключевые слова: герменевтический анализ, перестройка, СССР, фильм, студенты, идеология, вуз, конфликт поколений.

* Corresponding author

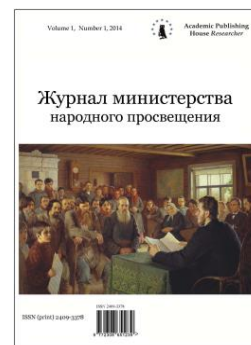
E-mail addresses: roman_tag82@mail.ru (R. Salny)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya
 Has been issued since 2014.
 ISSN: 2409-3378
 E-ISSN: 2413-7294
 2017, 4(1): 47-61

DOI: 10.13187/zhmnp.2017.1.47
www.ejournal18.com

Comparative Analysis of the Evolution of the Image of the Teacher in the Soviet and Russian Posters and Professional Photos

A.Y. Shahanskaya ^{a, *}

^a Rostov State University of Economics, Russian Federation

Abstract

During hermeneutic analysis of Soviet and Russian posters and art photographs, the author came to the conclusion that the image of the teacher was significantly altered under the influence of various factors in different time periods of Russian history. Generally it can be represented as follows:

- 1920s-1930s: a teacher is an authoritative source of knowledge, revolutionary, “the wrestler” with ignorance;

- 1940s-1950s: a teacher is the heroic personality, the sacrificial way the profession is perceived as a mission, to educate the builders of the bright future, well respected in society and is an authority among students;

- 1960s: a teacher more and more difficult to earn credibility, the image of the teaching profession less and less use for propaganda, social status of teacher is reduced, teaching is increasingly perceived as a vocation;

- 1970s - 1980s: a society becoming more independent in choosing sources of information about the world, the teacher seems to be a creative person who loves his profession and children, but disadvantaged.

- 1990s – present: the image of a teacher in the media texts is very ambiguous, as ambiguous and not uniform ideological, political and moral views of society today. Same different and diverse attitudes of the authors and the audience to the characters of media texts, it can be compassion, gratitude, and awareness of the importance of such professions as a teacher and some concerns about the future.

Keywords: teacher, educator, poster, art photography, Soviet Union, school, university, hermeneutic analysis.

1. Введение

В истории России система образования выделяется своей самобытностью, традициями и достижениями отечественных педагогов. Образовательный процесс часто претерпевал различные трансформации: изменялись политические взгляды, идеология, социальное положение граждан, их мировоззрение, все это не могло не отразиться на образе педагога, учителя, тонко чувствующего и быстро реагирующего на события времени.

Чтобы провести анализ эволюции образа педагога мы обратились к искусству плаката и художественной фотографии. Искусство, согласно системной модели культуры

* Corresponding author

E-mail addresses: Shahanskaya.anastasia@yandex.ru (A.Y. Shahanskaya)

М.С. Кагана, – «единственный плод деятельности, воссоздающий человеческое бытие в его целостности, позволяющий проникнуть в глубинную суть представляемой им культуры. В искусстве можно найти знания и ценности, отражение реальности и идеалы (Каган, 1996: 19). Согласно семиотической теории Ю.М. Лотмана, исходно заложенный в текст смысл подвергается в ходе культурного функционирования сложным трансформациям, в результате чего происходит приращение смысла (Лотман, 2002: 188-191).

Плакат как вид печатной графики имеет свои принципы построения, создания образов, символов, знаков, все это непростая задача для художника: создать нечто емкое, броское, сильное по степени воздействия на зрителя минимальными художественно-выразительными средствами. Плакат и художественная фотография, несомненно, имеют широкие возможности для транслирования информации, агитации и пропаганды, а технологии их создания постоянно развиваются и совершенствуются. Создание многих типов медиатекстов сегодня доступно широким массам людей, чему способствует интенсивное развитие средств массовой коммуникации и различного рода техники.

2. Материалы и методы

Материал нашего исследования – визуальные медиатексты на тему образа педагога; предполагается сравнительный герменевтический анализ визуальных медиатекстов, касающихся данной тематики (включая: анализ стереотипов, идеологический анализ, идентификационный анализ, иконографический анализ, сюжетный анализ, анализ характеров персонажей и др.), антропологический и гендерный анализ. Мы будем использовать методологии герменевтического анализа медиатекстов, разработанные А. Силверблэтом (Silverblatt, 2001: 80-81) и У.Эко (Эко, 2005: 209).

3. Обсуждение

Проблема эволюции образа педагога в советских и российских плакатах и художественных фотографиях на сегодняшний день слабо исследована, недостаточно внимания уделяется и сравнительному анализу данной темы в отечественных визуальных медиа от советского периода до наших дней (Баранов, 1979; Кабо, 1978; Левшина, 1978; Парамонова, 1976; Пензин, 1973; Рабинович, 1991; Усов, 1980; Федоров, Левицкая, Горбаткова, 2017; Шипулина, 2010 и др.). В данных работах рассмотрены преимущественно вопросы школьной и вузовской тематики советского и российского периода в аудиовизуальных медиатекстах, прежде всего – на материале кинематографа, режиссуры телевидения и интернета.

Анализ образа педагога в современных медиатекстах (в основном ТВ, интернет) сделан в статье А. Маченина (Маченин, 2016). Вопросы ценности профессии учителя в советской культуре и ее отражения в массовом искусстве 1960–1980-х рассмотрены Г. Сидоровой (Сидорова, 2012), а проблема падения престижа профессии учителя отражены в работах Е. Ткаченко, Н. Коноплевой, В. Юдина и др. Рассматривались также вопросы воспитательного и нравственно-эстетического воздействия плаката (А.Д. Боровский, В.Н. Ляхов), плаката в контексте художественной культуры времени (Бабурина, 1988), политического плаката (Н.А. Ватолина, Г.Л. Демосфенова, М. Иоффе и др.), социального плаката (Русакович, 2015; Тотторина, Фатеева, 2014; Гладун, 2010; Игошина, 2009).

Анализируя образ учителя в советском и современном российском кинематографе, Н.Б. Шипулина выделила три этапа его репрезентации:

«1 этап. а) Учитель – глашатай революции, партиец, борец за советские идеалы, воспринимаемый как представитель важной профессии, но ещё только утверждающий серьёзное место и роль учителя в социальной и духовной жизни молодой советской страны... б) Учитель – интеллигент, занимающийся воспитанием (и скорее даже перевоспитанием) и образованием не детей в обычной общеобразовательной школе, а ликвидацией безграмотности беспризорников, либо обучением рабочей молодёжи в вечерних школах...

2 этап. Учитель – друг и духовный наставник ученику, демократичный, исповедующий гуманистические принципы педагогики сотрудничества ироничный интеллектуал; учитель как живой человек, часто несчастный в личной жизни, подверженный социальным порокам, психоэмоциональному износу и выгоранию...

3 этап. Учитель – социально неуспешный и непривлекательный тип, малообеспеченный, необразованный, неопрятный, сексуально озабоченный, не обладающий достоинством, престижем, не вызывающий уважения, жалкий и нелепый» (Шипулина, 2010).

На наш взгляд, данная типология репрезентации образа учителя, педагога нуждается в коррекции, особенно на современном этапе развития медиакультуры, так как, к примеру, третий этап в трактовке Н.Б. Шипулиной, на наш взгляд, выглядит слишком упрощенным и однозначным.

4. Результаты исследования

Нами проделан анализ советских и российских плакатов и художественных фотографий (1922-2017) в целях выявления эволюции образа педагога, преподавателя.

Место действия, исторический, религиозный, культурный, политический, идеологический контекст

1. Исторический контекст.

а) *особенности исторического периода создания медиатекстов, условия рынка, которые способствовали замыслу, процессу создания медиатекстов, степень влияния событий того времени на медиатексты.*

Анализируемые нами плакаты и художественные фотографии создавались и демонстрировались в разные временные периоды советского и постсоветского времени. Так как искусство плаката, как и художественной фотографии, в России преимущественно имеет два основных компонента – эстетический и социальный, в художественных образах можно увидеть образ педагога постоянно трансформирующийся, очень остро реагирующий на социальный статус педагогической профессии, идеологию и политические взгляды общества, исторические события. И если художественная фотография в большей степени отображала и в какой-то мере формировала представление о педагоге как о реальном человеке, то плакат, имея очень большой потенциал в области агитации и пропаганды, широко использовался властью для интенсивной и яркой трансляции идеологических и политических аспектов в своих целях.

Учитель, преподаватель всегда был неотъемлемой составляющей образовательного процесса. И то, как власть относится к образованию, какие условия труда и жизни создает преподавательскому составу, во многом формирует образ педагога в обществе, что сразу отражается и в искусстве.

Первые годы советской власти – двадцатые и тридцатые годы XX столетия – были пронизаны идеями построения социализма, включая индустриализацию и коллективизацию. Составной частью этого процесса считалось осуществление революции в области культуры, идеологии и образования, что нашло свое отражение в плакатах тех лет: «Книгой и винтовкой добьем мировой капитал» (1919), «Грамота – путь к коммунизму!» (1920).

Рис. 1. Плакат 1919 г.

Рис. 2. Плакат 1920 г.

Декрет Совнаркома «О ликвидации безграмотности в РСФСР» был подписан 26 декабря 1919 года (плакат «Декрет о ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» (1919). С этого момента началась повсеместная работа над ликвидацией безграмотности среди населения – «ликбез». Согласно этому документу, население советской России от 8 лет до 50 было обязано обучаться грамоте. В это время открываются новые начальные и средние школы и высшие учебные заведения, а также рабочие факультеты.

Рис. 3. Фото: «Ликбез» (1920)

Рис. 4. Фото: «Педагоги, техслужащие и совсод 19-й г. (1919)

В 1923 году было создано общество «Долой неграмотность!», которое ставило своей задачей всемерное содействие проведению мероприятий по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения СССР. Издательство этого общества печатало буквари, а также учебные пособия, несущие максимальное отражение в учебном материале по ликвидации неграмотности текущих лозунгов Советской власти в области государственного и хозяйственного строительства (Медынский, 1955).

Рис. 5. Фото: обложка букваря для взрослых (1920)

Рис. 6. Плакат «Долой неграмотность» (1920)

Наряду с этим создавались группы, школы, где велась широкая политико-просветительская работа, для пропаганды знаний стали использовать лозунги в агитационных плакатах: «Неграмотный тот же слепой...» (1920), «Мы не рабы, рабы – немые!» (1920), «Учиться никогда не поздно» (1920), «Долой неграмотность!» (1920) и др.

Рис. 7. Плакат «Неграмотный тот же слепой...» (1920 г.)

Они призывали к обучению не только все слои населения («Рота в школу!» (1923), «Женщина! Учись грамоте!» (1923), но и побуждали уже обучившихся грамоте, передавать свои знания остальным («Ты помогаешь ликвидировать безграмотность?» (1925), «Грамотный обучи неграмотного» (1930).

Рис. 8. Плакат «Женщина! Учись грамоте!» (1923)

Рис. 9. Плакат («Рота в школу!» (1923)

Рис. 10. Плакат «Ты помогаешь ликвидировать неграмотного»

Рис. 11. «Грамотный обучи безграмотность?» (1925) неграмотного» (1930)

Развитие и совершенствование печатной графики, способствовало созданию большого количества печатной продукции и ее рекламы («Ленгиз», 1924), которые также мотивировали людей к чтению книг и дальнейшему самообразованию («Если книг читать не будешь, скоро грамоту забудешь» (1924), «Все в библиотеку! (1930)»). Те же тенденции можно увидеть и в фотоискусстве, где легко различимы транспаранты и призывы с лозунгами: «Или обучай, или обучайся», «Педагог, окажи культурную помощь заводу и деревне!», «Больше школ!» и т.п.

Рис. 12. Плакат 1924 г.

Рис. 13. Фото 1920-х гг.

В таких условиях складывался престиж профессии педагога в 1930-е годы, когда учитель представлял собой основной источник знаний и на этом в большей степени строился его авторитет, что наглядно представлено в плакатах и фотографиях, где учитель представляется зрителю «носителем истины», «революционером», «строителем нового общества». Этот авторитет укреплялся в общественном сознании.

Большой объем фотодокументов о деятельности учителей в период Великой Отечественной войны хранится в государственных архивах («Учительница прифронтовой

школы Николаева М. ведет занятия с учениками 2-го класса» (1942); «Преподаватель Алма-Атинской средней школы № 23 Дрыгина Е.Я. проводит урок в 10-м классе» (1943) и др. Широко представлена работа и преподавателей высшей школы: «Профессор Молотовского государственного педагогического института Коваленко Б. проводит подготовку в высшие учебные заведения инвалидов Великой отечественной войны по зрению» (1943); «Декан строительного факультета политехнического института имени Куйбышева кандидат технических наук Новиков А. консультирует студентов» (1944); «Лучший красноярский хирург, доцент Михедко Н.М. принимает зачет у студентов-выпускников Красноярского медицинского института 28 апреля 1944 г.» (1944), «Кандидат биологических наук Калужный М.Я. за работой. Ленинград», А. Уткин (1943) и др.

Рис. 14. Фото: «Учительница прифронтальной школы Николаева М. ведет занятия с учениками 2-го класса» (1942)

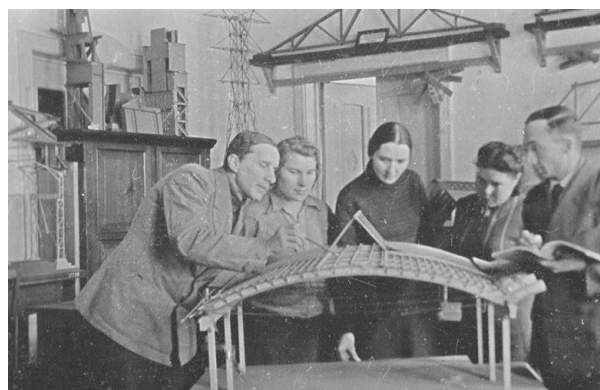

Рис. 15. Фото: «Декан строительного факультета политехнического института имени Куйбышева кандидат технических наук Новиков А. консультирует студентов» (1944)

В послевоенное время педагогическая профессия по-прежнему была очень уважаемой в обществе. В 1950-1960-е гг. педагогическая деятельность расценивается как миссия, педагог имел высокий социальный статус, «ценности профессии и профессионализма были высоко значимы для молодежи всех социально-профессиональных групп» (Грушин, 2006, с. 185).

С конца 1960-х – начала 1970-х годов коммуникационные потоки начинают увеличиваться, развиваются медиа, информация становится более доступной. Материальную составляющую жизни педагогов в это время можно назвать скромной, зарплата учителя по стране чуть ниже среднего, молодые люди все реже решаются поступать в педагогические вузы, профессия учителя все больше связывается с призванием, а не с престижем. Имидж преподавателя вуза выглядит предпочтительнее, так как в случае защиты им диссертации она лучше оплачивается.

В современной России на образ педагога оказывают влияние постоянные проблемы в сфере образования. Тема позитивного имиджа педагогической профессии, социального статуса педагога и его авторитета сегодня стоит очень остро.

б) как знание реальных исторических событий конкретного периода помогает пониманию данных медиатекстов.

В период существования СССР была поставлена цель воспитать строителей нового будущего, и в руках у педагогов были мощные инструменты для формирования мировоззрения молодого поколения. Неотделимой от преподавательской деятельности педагога была его воспитательная функция. Педагог воспринимался не только как воспитатель строителей нового светлого будущего («Слава учителю – воспитателю строителей коммунизма» (1950), но и как друг и помощник учащихся в их разностороннем развитии («Учитель – друг и наставник наших детей!» (1956); «Уроки рисования, музыки и пения...» (1959); фото: «В.И. Семенов с учениками» (1950-е).

Учительница начальных классов вообще воспринималась как «вторая мама», «классная мама» («Добро пожаловать!», 1956).

Рис. 16. Фото: «В.И. Семенов с учениками» (1950-е)

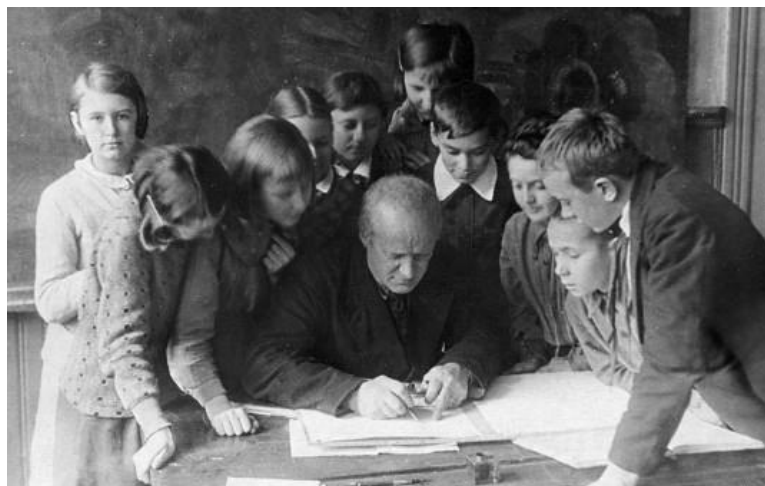

Рис. 17. Плакат «Учитель – друг и наставник наших детей!» (1956)

Для поддержания авторитета учителя, преподавателя в качестве агитации и пропаганды часто использовали плакат. Эстетическая сторона плаката подчиняется его социальной функции, непосредственным прагматическим задачам, которые определяют организации-заказчики (Гусева, 2010). В советское время «заказчиком» было государство, и плакаты формировали отношение общества к учителю как к патриоту своей страны, нравственному примеру, профессионалу («Честь и слава советскому учителю!» (1951); «Слава советскому учителю!» (1953).

Рис. 18. Плакат «Честь и слава советскому учителю!» А. Корецкий (1951)

Со временем потребность в педагогах, как «воспитателях строителей» коммунизма, социализма начала снижаться. В 1970-х – 1980-х количество педагогических плакатов заметно снизилось. В медиа на первый план вышла тема детства (Сидорова, 2012; Федоров и др., 2017; Шипулина, 2010) и спорта. Учитель уже перестал быть основным источником

знаний и не воспринимался как герой, но все-таки подавался в медиатекстах как друг и наставник, человек, увлеченный своей профессией («Сельская школа» (1970); «Любимый учитель» (1971), «На уроке химии» (1978), «Вязание» (1980).

Рис. 19. Фото: «Сельская школа» (В. Опалин, 1970)

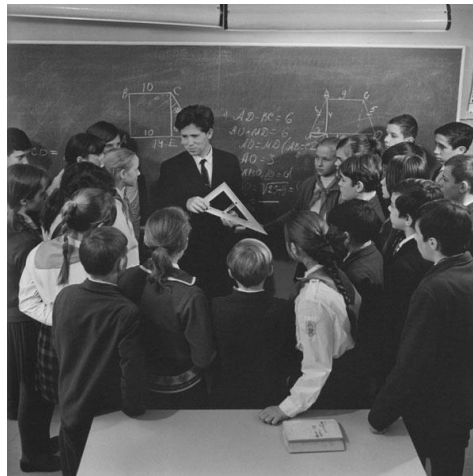

Рис. 20. Фото: «Любимый учитель» (1971)

В конце 1970-х – начале 1980-х годов на арену общественно-педагогической жизни вышел большой отряд педагогов-новаторов, педагогов-практиков (Филатов, 2002), что отразилось в плакатах: «Учитель – будь творческой личностью!» (1980) и др.

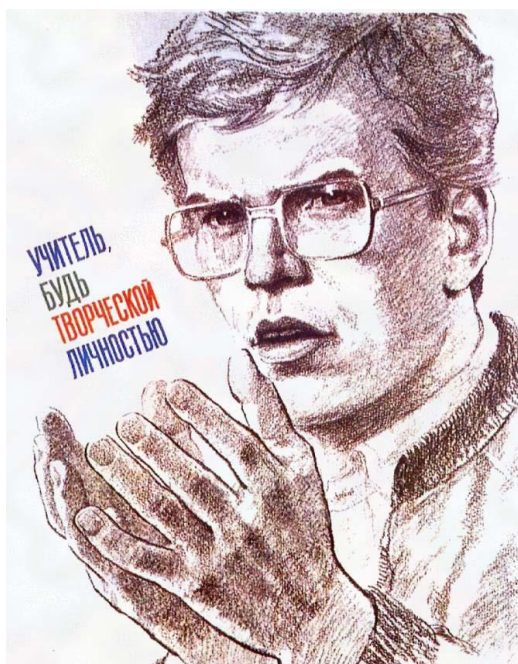

Рис. 21. Плакат «Учитель – будь творческой личностью!» (1980 г.)

Сегодня, когда в нашей стране нужны люди образованные в области точных наук и новых технологий, а также люди рабочих профессий, в слоганах социальных плакатов преобладают призывы: «Будущее за рабочими профессиями», «Профессия для настоящих мужчин: сварщик, водитель, защитник родины, автомеханик» и др. Постеры агитируют школьника стать врачом: «Учись лечить людей!» и даже библиотекарем («Библиотекарь – это престижно!»). Что же касается профессии учителя, педагога, преподавателя, ученого, то нам показалась интересным социальная городская программа Пермского края «Мода на

мозги», в рамках которой создана целая серия плакатов популяризирующих научную и преподавательскую деятельность.

Рис. 22. Из серии плакатов «Мода на мозги» Из серии плакатов «Мода на мозги»

Рис. 23. М. Наговицына (2011) студия «ГД» (2011)

с) примеры исторических ссылок в данных медиатекстах.

В плакатах и фотографиях советского периода мы повсеместно встречаем черты эпохи: портреты, бюсты, памятники «вождей»; реквизиты пионерских организаций; транспаранты с лозунгами; советскую школьную форму и прочее. Характерная черта советского времени это и использование агитационной и воспитательной функций плаката.

В условиях современных рыночных отношений возможности плаката все чаще используют в рекламных (предлагая, в том числе и образовательную услугу), а не в агитационных или воспитательных целях. Сегодня плакат переведен в электронную плоскость. Российская социальная реклама в качестве самостоятельного вида коммуникации, сформировалась не так давно – с начала 1990-х. Этот феномен стал предметом научной и профессиональной рефлексии лишь в последние несколько лет (Игошина, 2009). И хотя социальная реклама, касающаяся сферы образования, и предлагает зрителю поразмышлять над острыми проблемами (плакат: «А кто будет учить меня?» (2010), качество данных медиатекстов оставляет желать лучшего, ощущается дефицит научно-теоретических и дидактических разработок, связанных с социальным плакатом (Игошина, 2009). Хороший социальный плакат, отражающий образ педагога, преподавателя не так просто встретить на интернетных просторах. Например, межрегиональный общественный фонд «Мир молодежи» организовал, как заявлено на официальном сайте, «крупнейший молодежный проект в области социальной рекламы» [Мир молодежи] – конкурс «Новый Взгляд» [Новый Взгляд]. Но и там в номинации «моя профессия» за период с 2010 по 2016 мы не нашли ни одного плаката с профессией «учитель».

Всемирная сеть переполнена всевозможными картинками, мотиваторами, демотиваторами и т.п., в которых некоторые авторы (Тоторина, Фатеева, 2014) видят некую схожесть с плакатным искусством, все же назвать все это таковым сложно. Авторы данных

медиатекстов поднимают проблемы образования: низкая оплата труда, взяточничество, большая загруженность, кадровые проблемы, плохая оснащённость школ, несовершенство системы образования, неготовность учителей быстро осваивать новые технологии и др., но при этом представляют педагога человеком бедным, нервным, уставшим, берущим взятки и не имеющим уважения среди учеников и т.п. И всё это при констатации того факта, что учитель – важная профессия. Подобные медиатексты не предлагают никакого решения проблемы.

Фотоматериалов на сегодняшний день по-прежнему очень много. В частности, можно отметить работы, представленные на фотоконкурс «Школьный репортаж» (2010), посвященный Году учителя. Темой для профессиональных и начинающих фотографов стала школа, школьные учителя, их уроки и ученики, повседневная работа и яркие школьные события ([Фотосайт. Ру](http://fotocap.ru)), в жанрах портрета и репортажной съёмки на конкурс были представлены 918 работ, из них 208 были посвящены образу учителя, педагога.

2. Социокультурный, идеологический, мировоззренческий, религиозный контекст.

а) идеология, мировоззрение авторов данных медиатекстов в социокультурном контексте; идеология, культура мира, изображенного в медиатекстах.

Коммунистическая идеология в СССР была государственной, обязательной для всех членов общества. Одной из задач советской власти было воспитание человека с коммунистическим сознанием. В массы идеология внедрялась всеми возможными способами, идеологический контроль захватывал все сферы жизни и деятельности человека, охватывая, конечно, и деятельность педагогов.

В постсоветское время развернулось немало дискуссий по поводу реформ в образовании, уровня знаний учащихся. При этом престиж педагогической профессии сегодня низок ([Шипулина, 2010](#); [Сидорова, 2012](#) и др.), что, к сожалению, только усугубляется медийным имиджем ([Шипулина, 2010](#); [Маченин, 2016](#)).

б) мировоззрение людей мира, изображенного в медиатекстах, иерархия ценностей согласно данному мировоззрению; как данные медиатексты отражают, укрепляют, внушают, или формируют отношения, ценности; поведение, мифы.

Изображение в медиатекстах советских плакатах и художественной фотографии:

- оптимистическое мировоззрение, основанное на коммунистической идеологии в ее сталинской/ленинской трактовке.

- иерархия ценностей: коммунистическая партия, комсомол, народ, любовь к детям и к профессии.

- основной стереотип успеха в этом мире: коммунистическая убежденность, широта кругозора, высоконравственное поведение и педагогическое мастерство, самоотверженность.

Изображение в медиатекстах российских плакатах и художественной фотографии:

- оптимистическое мировоззрение, основанное на любви и преданности делу;

- иерархия ценностей: любовь к детям, любовь к профессии;

- основной стереотип успеха в этом мире: способность к самосовершенствованию, карьерный рост, возможность улучшения материального состояния.

3. Структура и приемы повествования в данных медиатекстах.

Схематично структуру, репрезентативность, этику, особенности жанровой модификации, плакатных имиджей педагогов можно представить следующим образом:

а) место и время действия медиатекстов: СССР и современная Россия, городская и сельская местность.

б) характерная для данных медиатекстов обстановка, предметы быта: чаще обстановка – это учебный класс, аудитория, школьный двор. Возможны как очень скромная оснащённость помещений, так и укомплектованные по всем техническим требованиям классы.

в) жанровые модификации: репортаж, социально-политический портрет.

д) (стереотипные) приемы изображения действительности: самые распространенные варианты построения композиции – педагог возле классной доски, в окружении учеников, за рабочим столом, заставленным книгами и тетрадями; среди школьных парт и т.п.

Рис. 24. Фото: «На уроке» (1970-е)

Рис. 25. Фото: «Молодая учительница» (П. Витько, 2010)

е) типология персонажей: в образах представленных в плакатах и художественных фотографиях учитель представляется нам человеком интеллигентным, чаще строго и опрятно одетым. Выражение лица чаще добродушное, уставшее, задумчивое, увлеченное.

- *возраст персонажа:* 25-70 лет;

- *уровень образования:* высшее;

- *социальное положение, профессия:* учитель общеобразовательной школы, преподаватель средних специальных и высших учебных заведений, воспитатель.

- *семейное положение персонажа:* как правило, не акцентировано.

- *внешний вид, одежда, телосложение персонажа, черты его характера.*

Черты характера: активность, оптимизм, трудолюбие, работоспособность, любовь к детям. Как правило, учителя – люди старшего возраста, имеющие за плечами годы опыта и багаж знаний, внешне строгие, но доброжелательные и справедливые.

Вариант № 1: педагог как авторитетная личность с авторитарным стилем общения, осуществляющая не только образовательную, но и воспитательную функцию; вариант № 2: ностальгический образ учителя советского времени; вариант № 3: образ педагога-тьютора, осуществляющего активное взаимодействие с учащимися.

5. Выводы

В итоге на примерах конкретных советских и российских визуальных медиатекстов мы осуществили *герменевтический анализ* эволюции образа педагога, преподавателя.

В ходе исследования мы выяснили, что в различные исторические периоды в нашей стране образ преподавателя, педагога, учителя модифицировался в соответствии с жизненными реалиями, политическими и социальными запросами. Обобщенно его можно представить следующим образом:

- 1920-е – 1930-е годы: учитель – авторитетный источник знаний, революционер, «борец» с безграмотностью;

- 1940-е – 1950-е годы: учитель – героическая личность, жертвенный образ, профессия воспринимается как миссия, по воспитанию «строителей светлого будущего», пользуется уважением в обществе и является авторитетом среди учащихся;

- 1960-е годы: учителю все сложнее заслужить авторитет, образ педагогической профессии все реже используют для пропаганды, социальный статус педагога снижается, преподавательская деятельность воспринимается как призвание;

- 1970-е – 1980-е годы: общество становится более независимым в выборе источников информации о мире, педагог представляется человеком творческим, любящим свою профессию и детей, но социально незащищенным;

- 1990-е годы – настоящее время: образ учителя в рассматриваемых нами медиатекстах очень неоднозначен, как неоднозначны идеологические, политические и нравственные взгляды всего общества. Так же неоднозначно и разнообразно отношение авторов и зрителей к персонажам медиатекстов, это может быть и ирония, и сочувствие, и чувство

благодарности, и осознание важности такой профессии, как учитель и некоторые опасения касательно будущего.

6. Благодарности

Статья написана в рамках исследования при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ). Проект № 17-18-01001 «Школа и вуз в зеркале советских, российских и западных аудиовизуальных медиатекстов», выполняемый в Ростовском государственном экономическом университете.

Литература

Бабурина, 1988 – Бабурина Н.И. Русский плакат (вторая половина XIX - начало XX века). Л., 1988.

Баранов, 1979 – Баранов О.А. Экран становится другом. М.: Просвещение, 1979. 96 с.

Гладун, 2010 – Гладун, О.Д. Язык современного плаката: тенденции развития / Ред. О. Д. Гладун // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологи. М.: Московская гос. художественно-промышленная академия имени С. Г. Строганова. 2010. С. 196–199.

Грушин, 2006 – Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. В 4 кн. М.: Институт философии, 2001-2006. Книга 1. 624 с.

Гусева, 2009 – Гусева В.Е. Современный плакат как эстетический и социальный феномен. М.: Омега-Л, 2010. 492 с.

Игошина, 2009 – Игошина Т.С. Графический дизайн отечественного социального плаката (история и современные тенденции): автореф. дис. ... канд. иск. М., 2009.

Кабо, 1978 – Кабо Л.Р. Кино в эстетическом и нравственном воспитании детей. М.: Просвещение, 1978. 173 с.

Каган, 1996 – Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996. 416 с.

Левшина, 1978 – Левшина И.С. Любите ли вы кино? М.: Искусство, 1978. 254 с.

Лотман, 2002 – Лотман Ю.М. К современному понятию текста / Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство СПб, 2002. С. 188-191.

Маченин, 2016 – Маченин А.А. Собираемый образ школьного учителя в отражении теле/кино/интернет медиапространства // Медиаобразование. 2016. № 3. С. 23-48.

Медынский, 1955 – Медынский Е. Н. Просвещение в СССР. М.: Учпедгиз, 1955. 237 с.

Мир молодежи, 2017 – Мир молодежи. <http://mirmolodezhi.ru>. Дата обращения: 17.06.2017.

Новый взгляд, 2017 – Новый Взгляд. http://tvoykonkurs.ru/archive?id_theme=82&id_pomn=1&conkurs=1. Дата обращения: 17.06.2017.

Парамонова, 1976 – Парамонова К.К. Фильм и дети. М.: Знание, 1976. 48 с.

Пензин, 1973 – Пензин С.Н. Кино как средство воспитания. Воронеж, 1973. 152 с.

Рабинович, 1991 – Рабинович Ю.М. Кино, литература и вся моя жизнь. Курган: Периодика, 1991. 120 с.

Русакович, 2015 – Русакович О.Н. Роль социального плаката в современном мире // Искусство и личность. Минск: БГПУ, 2015.

Сидорова, 2012 – Сидорова Г.П. Ценность профессии учителя в советской культуре и ее отражение в массовом искусстве 1960–1980-х // Современное образование. 2012. № 1. С.147-157.

Тоторина, Фатеева, 2014 – Тоторина М.А., Фатеева Н.А. Рассуждения о плакате XXI век – век дизайна / Ред. А. Б. Костерина. Екатеринбург: рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2014. 212 с.

Усов, 1980 – Усов Ю.Н. Методика использования киноискусства в идейно-эстетическом воспитании учащихся 8-10 классов. Таллин, 1980. 125 с.

Федоров и др., 2017 – Федоров А.В., Левицкая А.А., Горбаткова О.И. Школа и вуз в зеркале аудиовизуальных медиатекстов: Основные подходы к проблеме исследования // Медиаобразование. 2017. № 2.

Филатов, 2002 – Филатов О.К. Психология и педагогика. Часть II. Педагогика. Учебно-практическое пособие. М.: МГТА, 2002. 111 с.

Фотосайт, 2017 – Фотосайт. Ру. <http://www.photosight.ru>. Дата обращения: 15.06.2017.

Шипулина, 2010 – Шипулина Н.Б. Образ учителя в советском и современном российском кинематографе // Известия ВГПУ. 2010. № 8 (52). С. 4-16.

Эко, 1998 – Эко У. *Отсутствующая структура. Введение в семиологию*. СПб.: Петрополис, 1998. 432 с.

Эко, 2005 – Эко У. *Роль читателя. Исследования по семиотике текста*. СПб: Симпозиум, 2005. 502 с.

Silverblatt, 2001 – Silverblatt, A. (2001). *Media Literacy*. Westport, Connecticut – London: Praeger, 449 p.

References

Baburina, 1988 – Baburina, N. (1988). *The Russian poster (the second half of XIX – the beginning of the 20th century)*. Leningrad.

Baranov, 1979 – Baranov, O. (1979). *The screen becomes the friend*. Moscow: Education, 96 p.

Eco, 1998 – Eco, U. (1998). *Lack of Structure. Introduction to Semiology*. St. Petersburg: Petropolis, 432 p.

Eco, 2005 – Eco, U. (2005). *The Role of the Reader. Studies on the Semiotics of the Text*. St. Petersburg: Symposium, 502 p.

Fedorov et al., 2017 – Fedorov, A., Levitskaya, A. and Gorbatkova, O. (2017) School and university in a mirror of audiovisual media texts: main approaches to a research problem. *Media education*. No. 2.

Filatov, 2002 – Filatov, O. (2002). *Psychology and pedagogics*. Moscow, 111 p.

Gladun, 2010 – Gladun, O. (2010). Language of the modern poster: tendencies of a development. *In the world of science and art: questions of philology, art criticism and culturologists*. Moscow: Moscow state art and industrial academy, pp. 196-199.

Grushin, 2001 – Grushin, B. (2001). *Four lives of Russia in a mirror of polls*. Moscow: Institute of philosophy. Book 1, 624 p.

Guseva, 2010 – Guseva, V. (2010). *Modern poster as esthetic and social phenomenon*. Moscow: Omega-L. 492 p.

Igoshina, 2009 – Igoshina, T. (2009). *Graphic design of the domestic social poster (history and current trends)*. Moscow. 169 p.

Kagan, 1996 – Kagan, M. (1996). *Culture philosophy*. St.Petersburg., 416 p.

Kabo, 1978 – Kabo, L. (1978). *Cinema in esthetic and moral education of children*. Moscow: Education. 173 p.

Levshina, 1978 – Levshina, I. (1978). *Whether you love cinema?* Moscow: Art. 254 p.

Lotman, 2002 – Lotman, Y. (2002). To a modern concept of the text. *History and typology of the Russian culture*. St.Petersburg., pp.188-191.

Machenin, 2016 – Machenin, A. (2016). A generalized character of the school teacher in reflection the body / cinema/ the Internet of media space. *Media education*. No. 3. С. 23-48.

Medynsky, 1955 – Medynsky, E. (1955). *Education in the USSR*. Moscow: Uchpedgiz. 237 p.

Paramonova, 1976 – Paramonova, K. (1976). *Movie and children*. Moscow: Knowledge. 48 p.

Penzin, 1973 – Penzin, S. (1973). *Cinema as educational tool*. Voronezh, 152 p.

Photo, 2017 – Photo-web. www.photosight.ru. <http://www.photosight.ru>. date of access: 15.06.2017.

Rabinovich, 1991 – Rabinovich, Y. (1991). *Cinema, literature and all my life*. Kurgan: Periodical press. 120 p.

Rusakovich, 2015 – Rusakovich, O. (2015). A role of the social poster in the modern world. *Art and the personality*. Minsk.

Shipulina, 2010 – Shipulina, N. (2010). An image of the teacher in the Soviet and modern Russian cinema. *VGPU News*. No. 8 (52), pp. 4-16.

Sidorova, 2012 – Sidorova, G. (2012). The value of a profession of the teacher in the Soviet culture and its reflection in mass art of the 1960s-1980s. *Modern education*. No. 1. P. 147-157.

Silverblatt, 2001 – Silverblatt, A. (2001). *Media Literacy*. Westport, Connecticut – London: Praeger, 449 p.

Totorina, Fateeva, 2014 – Totorina, M., Fateeva, N. (2014). *Reasonings on the poster the 21st century – a century of a design*. Yekaterinburg. 212 p.

Usov, 1980 – Usov, Y. (1980). *A technique of use of motion picture art in ideological and esthetic education of pupils of 8-10 classes*. Tallinn. 125 p.

Your competition, 2017 – Your competition. www.tvoykonkurs.ru
http://tvoykonkurs.ru/archive?id_theme=82&id_nomin=1&conkurs=1 date of access: 17.06.2017.

Youth World, 2017 – Youth World. www.mirmolodezhi.ru. <http://mirmolodezhi.ru>. date of access: 17.06.2017.

Сравнительный анализ эволюции образа педагога в советских и российских плакатах и профессиональных фотографиях

А.Ю. Шаханская ^{а, *}

^а Ростовский государственный экономический университет, Российская Федерация

Аннотация. В ходе герменевтического анализа советских и российских плакатов и художественных фотографий в статье сделан вывод, что образ педагога, преподавателя в различные временные периоды российской истории существенно видоизменялся под воздействием разнообразных факторов. Обобщенно его можно представить следующим образом:

- 1920-е – 1930-е годы: учитель – авторитетный источник знаний, революционер, «борец» с безграмотностью;

- 1940-е – 1950-е годы: учитель – героическая личность, жертвенный образ, профессия воспринимается как миссия, по воспитанию «строителей светлого будущего», пользуется уважением в обществе и является авторитетом среди учащихся;

- 1960-е годы: учителю все сложнее заслужить авторитет, образ педагогической профессии все реже используют для пропаганды, социальный статус педагога снижается, преподавательская деятельность воспринимается как призвание;

- 1970-е – 1980-е годы: общество становится более независимым в выборе источников информации о мире, педагог представляется человеком творческим, любящим свою профессию и детей, но социально незащищенным;

- 1990-е годы – настоящее время: образ учителя в рассматриваемых нами медиатекстах очень неоднозначен, как неоднозначны идеологические, политические и нравственные взгляды всего общества. Так же неоднозначно и разнообразно отношение авторов и зрителей к персонажам медиатекстов, это может быть и ирония, и сочувствие, и чувство благодарности, и осознание важности такой профессии, как учитель и некоторые опасения касательно будущего.

Ключевые слова: педагог, учитель, плакат, художественная фотография, СССР, школа, вуз, герменевтический анализ.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Shahanskaya.anastasia@yandex.ru (А.Ю. Шаханская)